

Валерий Киселёв

*245-й...
Исповедь
полка*

Первая чеченская кампания. Книга 1-я



Валерий Киселёв

**245-й... Исповедь полка. Первая
чеченская кампания. Книга 1-я**

«Издательские решения»

Киселёв В. П.

245-й... Исповедь полка. Первая чеченская кампания. Книга 1-я /
В. П. Киселёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907394-5

В конце декабря 1994 года 245-й гвардейский мотострелковый полк получил директиву Генштаба о переброске в Чечню. В полку было всего 170 человек... В считанные дни полк был развернут до штатной численности. Эта книга о том, что пережили и как воевали в Чечне солдаты всего лишь одного из полков Российской армии. Полк вел боевые действия под Грозным, освобождал от бандформирований Ведено и Шатой, а трагедия колонны полка под селением Ярышмарды 16 апреля 1996-го стала известна всей России.

ISBN 978-5-44-907394-5

© Киселёв В. П.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1-я: «Кто же думал, что армия понадобится...»	8
«Некому было воевать...»	9
«Сам себе командир и солдат...»	10
«Рота связи – два бойца и барышня...»	11
«Время было разгильдяйским...»	12
«Полк размещался на одном этаже...»	14
«На трех офицеров – один солдат»	15
«Из Германии. Значит, службу знаете...»	17
«Пошли слухи...»	18
«Товарищи офицеры!»	19
«Просьба одна: «Дайте квартиру!»	20
«В полку суматоха...»	21
«Езжай домой, обрадуй жену...»	22
«Жёны – хрен знает где, вещи – хрен знает где...»	23
«Идем непонятно как, и зачем...»	24
«Есть, гражданин начальник...»	25
«Контингент в казармах – в татуировках...»	26
«Очень своевременно к нам приехали...»	27
«Мать, собирай мешок...»	28
«Того нет, этого нет...»	29
«Так точно, поеду...»	30
«Нас успокаивали, убаюкивали...»	31
Глава 2-я: «Были сборы недолги...»	32
«А где здесь американцы?»	33
«Не думая и не гадая...»	34
«Полная конспирация...»	35
«Я понял, что мы мясо...»	36
«Утром пожурят, попугают...»	37
«Всё было на нервах...»	38
«Попадались и такие ухари...»	39
«Я разучился спать...»	40
«Паять умеешь? Что такое транзистор?»	41
«Тяжело, но ничего...»	42
«Мы шо, на параде?»	44
«Открываем ящики – автоматы ржавые...»	46
«В политику я не вникал: некогда...»	47
«А зачем мы туда едем?»	48
«Опыта у большинства – никакого...»	49
«Зато документы были в порядке...»	50
«Один даже держал в руках мину...»	52
«Пошли пьянки, мордобой...»	53
«Нам сбагрили, кого не надо...»	54
«Просто уходили, и всё...»	55
«Всё было страшнее...»	56
«Не знали, за что хвататься...»	57
«Не могу остаться в стороне...»	58

«Удалось мало-мальски наездить на БМП...»	59
«Я понимал, что еду на войну...»	60
«Примерно через вечность мы приземлились...»	61
«Солдаты верили...»	62
«Я даже Присяги не принимал...»	63
«Хочу за Родину погибнуть...»	64
«С вечера до утра – водка...»	65
«Про Чечню – ни слова!»	66
«Так и не сказали правды...»	67
«Учиться на хлебопёков...»	68
«Морально были готовы...»	69
«Чувства страха не замечал...»	70
«Трезвые – люди как люди...»	71
«Спали прямо в строю...»	72
«Не было её вообще, этой дисциплины...»	73
«К каждому нужен свой подход...»	74
«С этими ребятами всех победим...»	75
«Лишь бы скорей отправить...»	76
«За всем не уследишь...»	77
«Вы не доедете до войны!»	78
«Боевого братства быть просто не могло...»	79
«Принял роту, но ее не было...»	80
«Пиджаков» у нас в роте не было...»	81
«Я мужик или кто?»	82
«Идёшь по казарме – один мат стоит...»	83
«В какой люк прыгнуть...»	84
«Самому запускать двигатель не приходилось...»	85
«Времени было катастрофически мало...»	86
«Ребята, вам же в атаки не ходить!»	87
«Стрелял? Распишись три раза...»	88
«Не спали по несколько дней...»	90
«Броня крепка...»	91
«Поднять технику, на колёса её поставить...»	92
«Хотя бы месяц погонять...»	93
«Мне доучивать никого было не надо...»	94
«Разобрал, почистил, смазал – заработало...»	95
«Как это мой сын придурок!»	96
«Не расстреливать же их...»	97
III. ПОДГОТОВКА ВОЙСК	98
Глава 3-я: «Наступает минута прощания...»	99
«Солдаты быстро обучались...»	100
«Куча генералов, все орут...»	101
«Ты извини, но поедешь с нами...»	102
«Всё помаленьку устаканилось...»	103
«Мою машину уже кто-то загнал на платформу...»	104
«Шаг вправо, шаг влево, и ты внизу...»	105
«По старой русской традиции...»	106
«Мы ушли в неизвестность...»	107
«Так и поехал больным...»	108

«Со своим взводом я знакомился в пути...»	109
«Многие были с ветром в голове...»	110
«Наконец, поехали...»	111
«Нам несли еду, спиртное, деньги...»	112
«Весь батальон болел...»	113
«Быстрее бы уехать от этого кошмара...»	114
«Вот такое стадо мы везли...»	115
«Пошли наводить порядок...»	116
Конец ознакомительного фрагмента.	117

245-й... Исповедь полка

Первая чеченская кампания. Книга 1-я

Валерий Павлович Киселёв

*«Если нас „чехи“ просто убивают, то солдат двести сорок
пятого полка они убивают с удовольствием».*

*(Из разговора с одним из офицеров 34-й отдельной бригады особого
назначения внутренних войск)*

© Валерий Павлович Киселёв, 2018

ISBN 978-5-4490-7394-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В конце декабря 1994 года 245-й гвардейский мотострелковый полк, дислоцировавшийся в поселке Мулино Нижегородской области, получил директиву Генштаба о переброске в Чечню. В полку было всего 170 человек... В считанные дни полк был развернут до штатной численности. Никто из солдат и офицеров не мог тогда знать, что 221 из них вернутся домой в цинковых гробах, около 400 – ранеными и искалеченными... Одни из них погибли в бою, кто-то от пули своих же боевых товарищей, или по неосторожности. Кого-то ждал плен и мучительная смерть, других – издевательства своих же сослуживцев, а после службы – равнодушие Родины. Эта книга о том, что пережили и как воевали в Чечне солдаты всего лишь одного из полков Российской армии. Полк вел боевые действия под Грозным, освобождал от бандформирований Ведено и Шатой, а трагедия колонны полка под селением Ярышмарды 16 апреля 1996-го стала известна всей России.

Глава 1-я: «Кто же думал, что армия понадобится...»

– А это что еще за китайская рота? – громко и с удивлением воскликнул огромного роста краснощекий генерал.

На станции, в строю у железнодорожной платформы с техникой стояли несколько десятков узкоглазых солдат – все, как один крепыши, очень похожие друг на друга. Они с интересом, как-то уверенно поглядывали на генерала, его свиту из старших офицеров и прессу с телекамерами.

– Это буряты, товарищ генерал, – вышел из строя ротный, старший лейтенант, парень обыкновенной русской внешности.

Генерал хмыкнул и зашагал дальше вдоль строя, изредка вглядываясь в лица солдат этого войска.

Так весной 1994 года, незадолго до того, как Президент России Борис Ельцин под взгляды изумленной Европы весело дирижировал оркестром, исполнявшим «Калинку», из Германии в военный городок поселка Мулино Нижегородской области эшелонами был передислоцирован 245-й Гнезненский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени гвардейский мотострелковый полк. Техника полка – не одна сотня единиц танков, боевых машин пехоты, самоходных гаубиц, грузовиков – была ровными рядами, за неимением ангаров и гаражей, аккуратно выставлена в чистом поле, до лучших времен, а личный состав срочной службы, в том числе и, конечно, буряты, почти полностью отправлен на дембель.

Летом того же года в Мулино, лично посмотреть, как идет строительство жилья для офицеров выведенных из Германии войск, в сопровождении кудрявого нижегородского губернатора Бориса Немцова нагрянул министр обороны России генерал армии Павел Грачев. В военном городке достраивали несколько новых ярких расцветок домов.

– Это кто? Японские военнопленные? – весело спросил министр кого-то из своих спутников. Мимо с лопатами на плечах прошли строем не в ногу несколько десятков солдат с азиатскими чертами лица.

– Наверное, буряты... – ответил ему кто-то из офицеров. – Откуда у нас здесь пленные японцы? – не понял он юмора министра обороны.

В начале марта 1995-го на каком-то перекрестке южной окраины Грозного нашу колонну с «гуманитаркой» для полка разрезала мчавшаяся на Аргун колонна мотопехоты.

– Господи, неужели китайские добровольцы? – с удивлением спросил кто-то из журналистов. Броня нескольких промчавшихся мимо «бэтров» была густо облеплена солдатами с раскосыми глазами.

– Буряты... Мне бы сейчас этих солдат... – грустно сказал кто-то из офицеров, сидевших рядом со мной на броне. Было в этом видении – пропыленные, почерневшие от весеннего солнца сыны степей, не на конях, а на бронетранспортерах, крепко сжимавшие не сабли и копья, а автоматы Калашникова что-то жуткое: азиаты, потомки Чингисхана восстанавливают в далекой от Забайкалья Чечне единство России, или, говоря современным, вряд ли понятным им термином – конституционный строй...

А тогда, в 1994-м году, нового пополнения в ходе весеннего и осеннего призыва полк не получил вообще. Впрочем, служба шла, а как – лучше всего расскажут ветераны полка, которых удалось разыскать.

«Некому было воевать...»

Анатолий Кушнарёв, психолог полка, майор:

– В полку я начал служить еще в Германии, замполитом первого мотострелкового батальона. Вернулись в Россию, солдат-срочников почти всех уволили в запас – кто тогда думал, что армия вдруг понадобится! Мы, оставшиеся офицеры и прапорщики, сами летом и осенью 94-го строили парки для хранения техники, территорию убирали. Где-то в середине декабря пошли слухи о войне в Чечне. Потом команда и нам: «Готовьтесь!». Никто из нас не верил, что полк поедет воевать – потому что просто некому было воевать!

«Сам себе командир и солдат...»

Игорь Андронов, командир минометной батареи 2-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– Когда полк вывели из Германии и меня в Мулино назначили командиром батареи, я был сам себе командир, замполит, старшина и солдат. С одной стороны – хорошо самим собой командовать: никто не подведет...

Хуршед Сулаймонов, командир 3-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– В полк командиром роты первого батальона я был назначен в мае 1993 года, когда дислоцировались в населенном пункте Мальвинкель Западной Группы Войск. В мае 1994 года в составе части передислоцировались в поселок Мулино. Офицерам, прапорщикам и военнослужащим-контрактникам, которые еще в Германии подписали контракт, своими руками приходилось ставить на хранение оружие и технику, обустраивать казармы для личного состава.

С полком из ЗГВ приехали в Россию не все. Кто-то возвращался к себе на родину, кто-то уволился из армии, потом пытаясь найти себя на гражданке. А кто-то вообще не прибыл к месту дислокации, решив порвать с армией, в крайнем случае отправив на имя командира полка телеграмму о прошении считать его уволенным по собственному желанию.

Из офицеров в батальоне были врио командира батальона майор Валерий Яковлев Дмитриевич, командиры рот капитаны Александр Суслов, Александр Суровцев и я. Командиры взводов – старшие лейтенанты Сергей Быхалов, Петр Шашкин, Андрей Будников, Виталий Зябин, Александр Рябухин, старший прапорщик Александр Киричек.

«Рота связи – два бойца и барышня...»

Вадим Лященко, начальник связи полка, майор, позывной «Пума 20»:

– Я выпускник Ташкентского военного общевойскового командного училища 1988 года. После выпуска служил в Азербайджане на иранской границе, участвовал в боевых действиях в Карабахе, Баку, Сумгаите. Был командиром мотострелкового взвода, исполнял обязанности командира внештатной разведроты. Потом сложилось так, что стал начальником связи мотострелкового батальона (мне связь всегда хорошо давалась ещё с училища), затем командиром роты связи полка. С этой должности уехал в Германию и попал в 245-й полк (командиром тогда только что назначили подполковника Колотило). Когда прибыл в Германию, то принял и роту связи, и всю связь полка, так как начсвязи уехал в Союз. Потом присылали майора, но он был недолго, и выводил всю связь из Германии опять я.

Приехали в Мулино – техника под открытым небом, средства связи в контейнерах, тоже на улице.

Кажется, в сентябре 1994-го пришёл на меня приказ о назначении на должность начсвязи полка. Смешно было: рота связи – два бойца и одна барышня-телефонистка.

Организовал узел связи полка, коммутатор телефонный поставил, дежурство и всё такое. В полку тогда людей было с гулькин х...

В конце 1994-го начали поговаривать о Чечне. Честно говоря, предчувствие было (оно меня никогда не подводило) ещё с Карабаха. По телеку ужастики из Чечни показывают. Ну, а потом началось...

Помню, как командир полка Станислав Николаевич Морозов сказал: «Рапорта писать, кто чего хочет, чтоб в Чечню ехать без домашних проблем». Я написал, что готов ехать без каких бы то ни было условий. Квартиру мне тогда уже дали, жена худо-бедно работала, дочка в детский сад ходила.

«Время было разгильдяйским...»

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи 1-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– Моя служба в полку началась в 1992 году переводом из 26-го танкового полка, где я начал свою офицерскую службу после окончания училища. Пришел на должность командира второго огневого взвода третьей батареи гаубичного самоходно-артиллерийского дивизиона. К тому времени полк полным ходом готовился к выводу из Германии. Самое распространенное слово в полку в это время было – «рекультивация». Выездные караулы, рекультивация военных городков и воинских частей, смотры, наряды, контейнеры, перегон личного автотранспорта и, в конце концов, вывод на территорию России. Из Германии я уехал в отпуск и прибыл уже к новому месту службы, в поселок Мулино, Нижегородской области.

Время было разгильдяйским, разброд и шатания царили везде. Жили сначала в казарме артбригады, затем нас переселили в барачное строение напротив КПП части в Мулино.

Технику загнали в поле, поставили на плиты, которые заблаговременно вывезли из Германии, оградили их колышками и называли это «парком». Часть офицеров решила продолжать службу в полку, получать квартиры от министерства обороны в поселке Новосмолинский, которые строились на деньги немецких налогоплательщиков финскими подрядчиками для офицерского состава Западной группы войск. Часть увольнялась из рядов Вооруженных Сил, а часть, в том числе и я, решила переводом отправиться к месту службы поближе к дому. Я «наострил лыжи» в Ленинградский военный округ. Жена ходила беременная и к осени мы ждали ребенка. Жена наотрез отказалась ехать в «Тмутаракань». Питерская она у меня, однако... Делать нечего, квартиру решил не получать и написал рапорт на перевод, попросил отца помочь с этим мероприятием, у него были возможности. В общем, пока я, «блатной», ожидал манны небесной, ребят, которые сами со своими переводами по штабам и соответствующим службам бегали, уже и след простыл. Я «возбуждился» в октябре и к концу ноября мои документы находились в штабе Сухопутных войск. Четвертого ноября 1994 года у меня родилась дочка, и я уже предвкушал, что после Нового года буду видеть свое чадо ежедневно, но моим планам не суждено было осуществиться...

Юрий Цуркан, командир 2-го мотострелкового батальона, майор:

– У нас была директива, что после вывода полка из Германии полк должен был быть сокращен. К первому января 1995-го наш полк вообще должен был быть расформирован, и расформировали бы, офицеры уехали бы в другие части. Управление батальона к началу декабря уже сократили. Помощник командира батальона по артиллерии ушел, Юрий Степаненко, мой зам по вооружению, получил назначение в 153-й полк. Должны были только комбат, начальник штаба, трое ротных, и в каждой роте по несколько солдат.

Александр Суровцев, командир 2-й мотострелковой роты, капитан:

– В полк прибыл, когда он стоял в Германии. До этого служил в Приднестровье, в 14-й армии у генерала Лебеда. После того, как полк вывели в Россию, в Мулино, солдат осталось немного. В моей роте были одни контрактники, хорошо запомнил из них Демидова и Ращупкина.

Евгений Ращупкин, старший механик-водитель 2-го мотострелкового батальона, сержант контрактной службы:

– В полку я с 1992 года, после срочной службы остался на контракте. Когда полк вывели из Германии, солдат в полку оставалось всего человек 50—70, остальные – офицеры и пра-

порщики. В нашей роте было четверо контрактников и человек двадцать срочников, в основном механики-водители. А в конце ноября 1994-го всех срочников из роты перевели в 166-ю мотострелковую бригаду...

Владимир Левкович, командир взвода инженерно-саперной роты, лейтенант:

– Я тоже в полку начал служить еще в Германии. После вывода в Россию солдат в нашей роте почти не осталось. У меня во взводе было всего несколько человек, контрактники Саша Комлев, Дима Демидов, Леша Малюткин. Приехали в Мулино – сами оставшимися в роте силами строили полевые парки, технику расставляли, шпалы укладывали, готовились к зимовке...

«Полк размещался на одном этаже...»

Федор Сергеев, по штатному расписанию – правовед полка, капитан:

– В полк я приехал первого декабря 1994 года переводом из Таджикистана. Кадровик в штабе дивизии мне говорит: «Выбирай любую должность» – вакансий в полку было тогда много. В Таджикистане я служил заместителем начальника штаба полка по оргработе, а поскольку учился заочно в юридическом институте, то и выбрал должность правоведа.

Полк был только на бумаге, весь его личный состав размещался на одном этаже в казарме. Людей едва хватало на наряды. Солдат тогда в полку было всего сорок человек срочников и порядка двадцати – контрактников. Некомплект офицеров был процентов пятьдесят...

«На трех офицеров – один солдат»

Николай Звягин, заместитель командира 2-го мотострелкового батальона, капитан:

– Первый боевой опыт я получил еще курсантом Бакинского общевойскового командного училища, когда разводили азербайджанцев с армянами во время межнационального конфликта. После окончания училища попал в 183-й гвардейский мотострелковый полк, командиром взвода, в Нагорный Карабах, где шли бои. Наш полк был быстрого реагирования. Потом – Ереван, оттуда – второго января 1990-го в Баку. Из Закавказья перевели в Тирасполь. В Приднестровье опыт я получил колоссальный, там уже командовал ротой, первым вошел в Бендеры. После этих событий генерал Лебедь наиболее отличившихся офицеров 14-й армии в 1992 году отправил служить в Германию. Так я и попал в 245-й полк. Мы с Сашей Суровцевым были ротными, вместе с ним в общежитии жили.

Служба шла прекрасно, большой опыт получили. В Германию я попал после окопов, и она мне показалась санаторием. Боевая подготовка в Группе войск в Германии была на очень высоком уровне. Перспектива служебного роста – замечательная. Но полк из Германии вывели в Россию. После распада Советского Союза солдат, а ребят только из Средней Азии у нас было процентов восемьдесят, отправили по домам. Под самый вывод полка нам дали человек сорок молодых солдат. В их числе был и Женя Ращупкин, мой солдат, потом он стал прапорщиком. Мог ли я подумать тогда, что в Чечне мне придется его, раненого, вытаскивать из-под обстрела... С молодыми солдатами мы погрузили технику в эшелоны и уехали в Нижегородскую область.

Встретили нас с хлебом-солью – губернатор Борис Немцов, командующий 22-й армией генерал Иван Иванович Ефремов. Но очень скоро нам, офицерам, пришлось заниматься несвойственными для себя обязанностями. Я сам лопатой и столбики вкапывал, проволоку на базе хранения техники протягивал. А что было делать: на трех офицеров у нас было по одному солдату.

Ушел в отпуск, приезжаю, меня вызывает комбат Юрий Анатольевич Цуркан: «Есть должность зам комбата. Я знаю твои качества, способности. Пойдешь?». – «Пойду». Через неделю я получаю квартиру, и как раз полк начинают отмобилизовывать для отправки в Чечню...

В декабре 1994 года в 245-м гвардейском мотострелковом полку насчитывалось всего 170 человек личного состава, в основном офицеров и прапорщиков. Боевая подготовка в полку летом и осенью этого года фактически не велась: людей едва хватало для несения караульной и гарнизонной службы.

Так в результате всего лишь ряда организационных мероприятий один из лучших полков Российской армии фактически утратил боеспособность. И таких полков в Вооруженных Силах России тогда было десятки.

Командиром 245-го гвардейского мотострелкового полка незадолго до передислокации в Нижегородскую область был назначен подполковник Станислав Морозов.

Из биографии:

Станислав Николаевич Морозов родился 12 июня 1958 года в селе Ступишино Тягинского района Кемеровской области. В 1979 году окончил Омское высшее общевойсковое командное училище. Служил в мотострелковых частях, командовал взводом, ротой, батальоном. В 1980-х годах принимал участие в боевых действиях в Афганистане в должности воен-

ного советника при штабе афганской пехотной дивизии. После возвращения из Афганистана окончил Военную Академию имени М. В. Фрунзе.

Продолжил службу начальником штаба, а затем – командиром мотострелкового полка в Группе советских войск в Германии.

25 марта 1994 года назначен командиром 245-го гвардейского мотострелкового полка. Командуя полком в условиях боевой обстановки в Чечне, проявил высокие профессиональные качества, выдержку и личное мужество. Трижды представлялся к званию Героя России.

За умелое руководство полком в Шатойской операции, отвагу в бою С. Н. Морозов 12 сентября 1996 года был удостоен звания Героя России.

После кампании в Чечне был назначен начальником штаба Таманской дивизии. Затем служил в военном комиссариате Юго-Восточного административного округа Москвы. С 2002 года – заместитель военного комиссара Московской области.

Награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», «За безупречную службу» 2-й степени; двумя медалями «За отличие в воинской службе» 1-й степени, медалями Жукова, «За ратную доблесть», орденами «Звезда» (государственная награда Демократической Республики Афганистан, «За службу Родине в ВС СССР», Мужества, медалью «Герой России» (вручена 12.06.1997 г.).

Гвардии полковник Станислав Николаевич Морозов скоропостижно скончался 2 апреля 2007 года в своем рабочем кабинете от острой сердечной недостаточности. Похоронен на Аллее славы городского кладбища г. Краснознаменска.

21 декабря 1994 года подполковник Морозов получил директиву Генштаба о приведении полка в полную боевую готовность для отправки на Северный Кавказ. Эта директива, наверное, была для него как гром среди ясного неба: полка, как боевой единицы на тот момент фактически не существовало.

Документы

Из журнала боевых действий полка:

В связи с ведением боевых действий в республике Чечня было принято решение сформировать на базе кадрированного полка и развернуть полк до штатов военного времени. Офицерами и прапорщиками полк был укомплектован из ресурсов Московского военного округа. Личный состав полка был переведен из Дальневосточного военного округа. По мере укомплектования подразделений проводилось боевое слаживание. Недостающую технику и вооружение полк получил из ресурсов МВО. Боевое слаживание проведено не в полном объеме.

Как прошли в полку дни после получения директивы Генштаба, что было конкретно за этой последней, очень короткой фразой из Журнала боевых действий – рассказывают ветераны полка...

«Из Германии. Значит, службу знаете...»

Игорь Бабанин, старший помощник начальника штаба полка по кадрам и строевой части, старший лейтенант:

– С десятого декабря мне, причем напрямую, минуя штаб дивизии и отдел кадров армии, вдруг стали звонить из Главного управления кадров Министерства обороны и управления кадров Московского военного округа. Спрашивали, какой штат полка, как укомплектован, сколько офицеров, прапорщиков. Я ответил и спросил: «А зачем вам это все?» – «Ты телевизор смотришь?» – «Смотрю. Но почему именно наш полк, который и так с мая прошел четыре сокращения?» – «Вы откуда пришли? Из Германии. Значит, службу знаете».

Директива, которая пришла в штаб полка, была не на ввод его в Чечню, а на развертывание до штатов военного времени и доукомплектование офицерами и солдатами для выполнения боевой задачи. А вот директивы на передислокацию полка в Чечню не было. После окончания первой чеченской кампании, когда полковник Морозов был уже в Москве, он позвонил мне, встретились, и Станислав Николаевич сказал: «Меня начинает дергать прокуратура. Требуют объяснений, на каком основании полк поехал в Чечню. Такое ощущение, что я с бодуна проснулся, построил полк и сам повез его в Чечню». Я снял копии с директивы о развертывании полка до штатов военного времени и отвез ему.

Армию в то время запугали демократическими реформами настолько, что командиры и начальники самого высокого уровня боялись принимать решения. Характерным примером будет такой эпизод... В штабе группировки в Чечне я видел карту. Обстановка на ней – никаких синих или красных стрелок – нанесена простым карандашом. В случае чего все можно было стереть... То есть – какая война? Где? В Чечне никто не воюет...

«Пошли слухи...»

Федор Сергеев:

– Перед Новым годом началась отправка солдат в Чечню, по одному-двое, в основном водителей. Хотя у нас их и так не хватало. Солдатам не говорили, что их направляют в Чечню, а будто бы на переподготовку. Потом начали отправлять в Чечню и офицеров, всего человек десять. Пошли слухи, что и всю нашу дивизию отправят на Кавказ. Настроение было тревожное...

Хуршед Сулаймонов, командир 3-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– Когда была получена директива Генштаба о приведении полка в полную боевую готовность и поставлена задача по наведению конституционного порядка в Чечне, я собирался в очередной отпуск на родину – все-таки конец года. Но после беседы на третьем этаже учебного корпуса, где присутствовали все офицеры полка, решил остаться и поехать с полком. Сидели за столами по три-четыре офицера, по возможности по подразделениям. Помнится, я сидел с Валерой Яковлевым и Виталием Зябиным. Рапорта писали по-разному. Никто не заставлял соглашаться ехать в Чечню. Некоторые писали просьбы: устроить жену на работу, детей – в детсад, звания и должности, внеконкурсное поступление в академию после выполнения боевой задачи.

В ноябре от нас в числе первых в составе 166-й бригады убыл в Чечню Александр Суслов. Когда пришло распоряжение на отправку одного командира роты, он сам пришел к командованию и попросился в Чечню, хотя были у него возможности и не поехать, что и делали отдельные офицеры, находя всякие причины. Мы потом с ним в районе птицефермы у Старых Атагов встретились, он приезжал на рекогносцировку от 506-го полка.

«Товарищи офицеры!»

Олег Шатохин, зам. командира 1-го мотострелкового батальона, капитан:

– На следующий день после того, как полк получил директиву Генштаба о развертывании полка, в дивизионном клубе (вся дивизия размещалась практически в одном военном городке) собрали офицеров. Приехали командующий нашей 22-й армией генерал Ефремов, командование дивизии. «Товарищи офицеры!» – как положено в таких случаях сказал подполковник Морозов, когда они поднялись на сцену. Все в зале встали. Сели, ждем, что скажет командующий. Мы люди военные, есть приказ, и все же командующий стал поднимать офицеров и спрашивать, есть ли уважительные причины, чтобы не ехать с полком. И началось... У одного жена больная, у другого – теща больная, у третьего детей некому в садик водить, у четвертого семье жить негде – «Не могу ехать!». Командующий – матом ругается...

Доходит очередь до меня. – «А у вас, товарищ капитан, какие проблемы?» – поднимает меня генерал. Встаю, а мне смешно. Я только год как не воевал. – «Да практически нет проблем. Только подраненный малость». – «А где это так?». – «Да было дело, у меня пока вся жизнь на войне прошла». – «О, специалист, хороший, значит». К чести штатных офицеров полка, тех, кто в полку служил еще в Германии, поехать воевать согласились все. Смылся только командир первого батальона, когда узнал, что поедет в Чечню...

«Просьба одна: «Дайте квартиру!»»

Федор Сергеев:

– Офицеры стали спрашивать: «Как нам быть с семьями?» Командир дивизии сказал: «Все просьбы пишите на бумаге». Просьба у большинства была одна: «Дайте квартиру!» Многие офицеры жили без семей в общежитии или в казармах. Семейные жили по две-три семьи в одной комнате, в модуле.

У меня, например, семья была в Арзамасе, контейнер с вещами пришел туда, а у многих офицеров, кто с полком из Германии был переведен, контейнеры были еще в пути. Дома в военном городке были построены, но никого еще не вселяли. Тем, кому ехать в Чечню, сразу же оформили документы на квартиры. На второй день мне дали ордер и ключи, за день все документы оформили. Были также просьбы найти детям садик и женам – какую-никакую работу. Пообещали. Были случаи, что офицеры отказывались ехать воевать – «Увольняйте, не поеду, и все...». Таких отпускали из армии без проблем, судов офицерской чести не было. У нас из полка сразу отказался ехать начальник ПВО, два командира батарей, начальник службы ГСМ. Не было сначала и замполита полка – он так почему-то и не вернулся из Германии...

«В полку суматоха...»

Игорь Ткаченко:

– Когда в полк пришла Директива Генштаба о развертывании 245-го до штата военного времени и, в связи с этим, отзыве офицеров из отпусков, командировок и прекращении переводов в другие части, первая мысль была: «Какого черта?», вторая: «И что делать?». Если первый вопрос до сих пор не получил ответа, то со вторым я разобрался довольно-таки быстро: «Надо ехать». Я всегда хотел быть военным. С детства не представлял для себя другого будущего – только военным, как деды и отец. С годами приходило осознание, что это значит – быть офицером, носить на плечах погоны, держать в руках оружие и, что немаловажно, понимание того, что в любой момент тебя могут призвать применить на практике все, чему тебя учили. И вот этот момент настал. Поэтому вперед, за орденами... Было ли страшно? Конечно. Были ли мысли не ехать? Были. Но ехал мой полк, офицеры, прапорщики, контрактники, вчерашние мои срочники, мои товарищи. Мог ли я не поехать? Нет, не мог.

Меня назначили на должность командиром взвода визирования противотанковой батареи. Есть такой зверь в мотострелковых полках. Никто, правда, толком не знал, что это такое и с чем его едят. Техники не было даже в Западной группе войск, она считалась секретной и хранилась в укромных уголках нашей Родины, поэтому перед Новым, 1995-м годом меня вызвал начальник артиллерии полка и говорит: «Готовься, после Нового года поедешь в Коломну, получишь технику и пройдешь обучение на ней. Приедешь – получишь личный состав». Я был против этой идеи, и ехать в Коломну отказался. Вместо этого на Новый год уехал в Санкт-Петербург, надо было съездить, увидеть жену, посмотреть на дочку – кто знает, может быть в последний раз... Жена, насмотревшись в новогодние дни новостей из Грозного, устроила мне истерику, но решение было принято...

«Езжай домой, обрадуй жену...»

Петр Шашкин, командир 6-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– Службу в полку я начал в Германии, в 1992 году, командиром мотострелкового взвода. Когда полк перевели в Мулино, у меня как раз родилась дочь. В ноябре я поехал в отпуск, привез жену, получил служебную квартиру. Двенадцатого декабря, в День Конституции, нас вызвали в парк для подготовки техники. Было очень холодно, большие сугробы. Расчистили технику от снега, стали готовить ее, а зачем – пока не знаем. Техники в батальоне было процентов пятьдесят от штатной. Замёрзли тогда сильно. Работали все вместе, сами, без солдат, так как полк планировали вообще сократить. В конце декабря 1994 года нас, командиров мотострелковых взводов на БМП-2 осталось, если не ошибаюсь, трое: Виталик Зябин, Серёга Быхалов и я. На следующий день мой командир роты Саша Суслов, тот самый, что внук Суслова, сказал, чтобы мы зашли к начальнику штаба полка, Сергею Ивановичу Чепусову. Так я узнал, что должен буду ехать в Чечню в составе 166-й Тверской мотострелковой бригады.

«Подумай, а как решишь окончательно, то скажешь» – говорит мне Чепусов. Мы с ним жили на одной лестничной площадке. Вечером зашел к нему: «Решение принято: еду». Тогда первый раз увидел Сергея Ивановича со слезами на глазах... Сергей Иванович удивительный человек, вспоминаю его всегда только теплыми словами.

Я вызвал своего отца, чтобы помог жене, пока меня нет. Двадцать четвертого декабря мы, несколько офицеров полка, должны были уехать. Суслов поехал раньше, в 166-ю бригаду, а я ждал своего часа. Где-то в эти дни стою у штаба полка, выходит из кабинета Чепусов: «А с полком поедешь?» – «Естественно поеду!» – «Тогда езжай сейчас домой, обрадуй жену, отца». Я приехал, а там уже все знают, по солдатской почте, что полк уходит в Чечню...

«Жёны – хрен знает где, вещи – хрен знает где...»

Юрий Степаненко, зам. командира 2-го мотострелкового батальона по вооружению, майор:

– Настроение у штатных офицеров в эти дни было плохое. Жилья – нет. У многих – жены хрен знает где, вещи – хрен знает где. И с таким настроением надо ехать воевать,... Я свои два контейнера с вещами отправил из Германии в Иркутск, у меня там родители, так они полгода там стояли в гараже. Мне квартиру дали в ноябре. Сразу меня отпустили в отпуск, забрал семью, оформил контейнер сюда из Иркутска. Контейнер шел долго, месяц. Приехали в Ново-Смолино пятого декабря. Спали на солдатских койках, зато в своей квартире. За пятнадцать лет службы я первый раз получил свою квартиру. В Забайкалье служил пять лет, сколько квартир поменял... В Молдавии я поменял шесть съемных квартир. А получил здесь квартиру – радости было полные штаны...

Куда ехать, и зачем ехать, ради чего – самое главное. Все это нам было непонятно. Никакой политработы в полку никто не проводил. Какая политработа, если даже не было замполита полка. Потом, когда полк стали формировать, прислали замполитом майора Гришина. Нормальный мужик. Он занимался именно своей замполитской работой, не был «черным кардиналом», сплетни не собирал. Один из множества замполитов, который был настоящий человек...

«Идем непонятно как, и зачем...»

Александр Сиякович, начальник штаба 2-го мотострелкового батальона, майор:

– В полк я пришел в 1993 году на должность командира четвертой мотострелковой роты, еще в Германии, потом был назначен начальником штаба батальона.

Нас, офицеров, перед формированием собрал подполковник Морозов и просто сориентировал: «Идем в Чечню выполнять задачу по наведению конституционного порядка». Ощущение было, что мы идем туда непонятно как, и зачем?

Морозов попросил написать рапорта, кто не может поехать. Такие нашлись в артдивизионе, несколько офицеров. А у нас в батальоне и отказываться было некому: по пальцам людей можно было пересчитать. Мы морально были готовы ехать в Чечню, раз такое дело пошло. Понимали, что мы там неизбежно окажемся. Но вызвало удивление, что отправляют туда именно наш полк, поскольку на момент получения директивы он был небоеспособный. Личного состава – 50—60 солдат и столько же офицеров, даже офицерские должности не все были заполнены. У нас было двое командиров рот и один командир взвода на весь батальон...

«Ты поедешь?» – «Конечно!»

Евгений Ращупкин, старший механик-водитель 2-го мотострелкового батальона, сержант контрактной службы:

– В конце декабря, мы как раз в карауле стояли, приехал начштаба полка подполковник Чепусов и говорит: «Юлить не буду, вы все мужики взрослые: едем в Чечню. Кто не желает, можете писать рапорты. А ты не поедешь, – говорит мне, – ты местный, (я родом из Моздока) тебя не отправят».

Кто едет, сели писать рапорта, что едут добровольно. Я стал добиваться, чтобы тоже ехать с полком. Комбат подполковник Цуркан спрашивает меня: «Ты поедешь?» – «Конечно!» Меня назначили старшим механиком-водителем батальона. Опыт был, водить, стрелять умел...

«Есть, гражданин начальник...»

Анатолий Кушнарев, психолог полка, майор:

– Вызывает меня командир полка: «Поедешь в дисбат, возьмешь шестнадцать человек условно-осужденных». Поехал туда, захожу, сидит за столом амбал: «Ты что, майор? Ты куда попал?» Говорю, что надо бы документы на людей оформить – «Какие еще документы!»

Захожу на КПП, бойцы уже сидят. – «Готовы? Поедем!». Спрашивают меня: «А у вас теплей, чем здесь на КПП?» – «Теплей» – «Тогда служить будем». Привез в полк этих шестнадцать человек. Из них поехал с нами в Чечню только один. Два брата сразу от нас сбежали. Использовали этих солдат из дисбата только на хозяйственных работах. Сначала они по дисбатовской привычке говорили: «Есть, гражданин начальник...»

Потом капитан Федор Сергеев привез из дисбата в полк еще 45 человек...

«Контингент в казармах – в татуировках...»

Игорь Андронов, командир минометной батареи 2-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– Сначала полк пытались сформировать из дисбата. Прислали оттуда в общей сложности человек сто. В новогоднюю ночь я был заместителем дежурного по полку вместе с майором Тимошиным, командиром зенитно-ракетного дивизиона.

Контингент в казармах – многие в татуировках, прибалтанные, кто-то и за тяжкие преступления сидел в дисбате, поэтому грубить с ними не стоило. Мы собрали их паханов: «Знаем, что у вас есть спиртное, приносите его сюда, в Ленинскую комнату, и по мере вашего поведения будем вам его выдавать». Такого компромисса нам было не избежать. Тех, кто еще день-два назад сидел за колючей проволокой, от выпивки, да тем более в новогоднюю ночь, было не удержать. Дежурство наше прошло без ЧП, авторитеты сами наводили порядок, до утра с нами просидели...

«Очень своевременно к нам приехали...»

Сергей Гришин, заместитель командира полка по воспитательной работе, майор:

– В полк я был назначен в конце декабря 1994 года с должности психолога 752-го мотострелкового полка. Прибыл в полк и обратил внимание, что здесь царит атмосфера деловой активности, граничащая с трудовым энтузиазмом. Что намечается – не имел никакого понятия. Захожу к начальнику штаба, среди снующего туда-сюда народа сидит подполковник Сергей Иванович Чепусов. Подошел, поздоровались. – «Очень своевременно к нам приехали. Вы знаете, что наш полк отправляется в Чечню? Буквально пару часов назад получили директиву». Смотрит на меня испытывающим взглядом – как я прореагирую на это сообщение. Как офицер, я был готов ко всему. Чепусов спросил: «Как, собираешься ли ехать?» Я ответил, что солдат войну не выбирает. – «Поеду!»

Обстановка была такая, что из полка домой не уйти. Офицеры, у кого семьи были в военном городке, посетились в полку и в ноль часов пошли домой, а мне идти некуда. Времени ездить домой в Нижний Новгород не было. Федор Сергеев меня разместил в общежитии для контрактников.

«Мать, собирай мешок...»

Александр Коннов, заместитель командира полка, подполковник:

– В декабре 1994-го я служил заместителем командира 248-го мотострелкового полка в Воронеже. В это время стали отправлять бойцов в Чечню, собирали их по различным частям. Постоянно был старшим на погрузке эшелонов. Бурное было время... Приходили на вокзал провожать солдат, своих сыновей, и такие родители, что в нас, офицеров, яйца кидали! Приходилось терпеть. Я задачу получил, я ее – выполняю.

31-го декабря 94-го сидим, пьем шампанское с начальником штаба полка, с утра, он мне: «Слышь, Сань, давай к гадалке съездим, пусть погадает: поедем мы в Чечню или нет» – «Ну, давай...» Поддали еще чуть-чуть и в двенадцать часов дня поехали к этой цыганке. – «Никуда вы, ребята, не поедете, не бойтесь», – нагадала. Приезжаем в полк, меня СПНШ (старший помощник начальника штаба – авт.) ждет с телеграммой, что я назначен на должность заместителя командира 245-го полка. Вот и съездили к цыганке...

– «Давай водки, что ли выпьем, – говорю начштаба, Жене Березину, – да надо вещи собирать, завтра выезжаем». Домой приехал, жена к Новому году готовится. – «Мать, собирай мешок, пару кусков мыла туда, трусы, носки...» – «Куда ты собираешься? Новый год же!» – «В командировку уезжаю!» – «Куда? В Чечню?» – «Наверное, скорей всего».

Билеты взял, завтра вечером поезд. Новый год встретили кое-как, жена в слезах, в соплях. А по телевизору показывают штурм Грозного, там все горит. Куда ехать? Со мной были еще восемь офицеров из Воронежа. Помню Калашникова, Володю Архипова, Андреева, Петю Коломейца.

В Москве пересадка, друзей встретил, говорят мне: «Да куда ты, Саня? Увольняйся – это не наша война» – «Мужики – прекратите!». Выпили с ними еще водки. Приехали в Ильино, нас встретили, привезли в Мулино в четыре утра. Я сижу на чемодане в вестибюле штаба, приехал генерал Воронов, командир 47-й танковой дивизии. – «Кто такие?» Я представился. – «Заходите. Ты что, подполковник, трясешься? Боишься что ли?» – «Я не боюсь, а замерз, товарищ генерал!» – морозы тогда стояли сильные.

Генерал собрал офицеров в классе: – «Сейчас командир полка приедет, Морозов». Фамилия знакомая, вспоминаю, где мог его видеть. Входит – он, Станислав Николаевич, с Германии его не видел. – «Здорово!» – «Здорово!». Поговорили с ним коротко. – Он тогда сказал: «Офицеров в полку человек тридцать, бойцов – нет, все разбегаются, воевать никто не хочет, полный кошмар». – «Ты сам-то как настроен?». – «Не знаю как, посмотрим...»

Подполковника Морозова я знал, как толкового офицера. Отчаянный он был парень, но и спокойный, выдержанный, очень грамотный. Молодец, в общем. Знал, что в Афганистане он советником служил. Позвали нас на инструктаж. Командующий армией, генерал Ефремов, рассказал нам «сказки», как мы будем воевать в Чечне...

«Того нет, этого нет...»

Олег Шатохин:

– Перед собранием офицеров ко мне подошел майор Васильев, только что назначенный командиром первого батальона: «Командир полка предложил тебя ко мне замом, майорская должность. Пойдешь?» – «Да, конечно, пойду, куда я денусь?». До этого я служил командиром комендантской роты 47-й танковой дивизии. С Володей Васильевым мы дружили. Майор Васильев был смелый, отчаянный до безрассудства. Отучить его от этого было невозможно. Он пришел к нам в дивизию из Забайкалья, служил там комбатом. У нас в дивизии его сначала назначили командиром РЭБ, потом начальником штаба медсанбата. Эти должности были явно не для его характера пехотинца.

Так начали формировать офицеров. Костяк полка остался – начальники служб, комбаты. Начальником штаба первого батальона был майор Яковлев, его заместителем с должности зам начштаба медсанбата был назначен Сергей Казанцев. Ротные были свои, капитаны Суровцев и Сулейманов, а на первую роту назначили старшего лейтенанта Дмитрия Жукова из 153-го танкового полка. Из взводных самый старый был старший лейтенант Сергей Быхалов, штатный из 245-го.

Взводных в полк начали привозить каждый божий день. Привезут взводных – вечером половины нет, разбежались. Кто просто так уехал, кто с рапортами. Причем приезжали в полк их мамы, папы, с адвокатами, которые писали командиру, что ввод российских войск в Чечню является неконституционным решением президента и на основании вот того пункта закона и уводят ребенка—офицера.

Утром на плацу на построении стоят офицеры, вечером половины командиров взводов нет. Уже было даже смешно... Я, как замкомбата, отвечал за боевую подготовку, разведку, был его правой рукой. Это были очень нервные дни. И особенно для командира полка Морозова. Он потомственный военный, сын генерала, служил в Афганистане, в Германии. Командир полка, а полка-то и нет. Помню, 24 декабря построились мы в полевом парке, первый батальон: Васильев, комбат, Яковлев, начштаба батальона, я и трое ротных. Вот и весь батальон! Солдат нет вообще! Всех уволили, когда полк из Германии вышел, так и служили без солдат. Технику в полевых парках прапорщики охраняли. Построились, майор Васильев говорит: «Будем принимать технику». Она так и стояла прямо в открытом поле, когда полк из Германии вывели.

Я занимался приемкой БМП. Залезаю в машину, завожу, проверяю все системы. Смотрел только, как работают основные функции, чтобы воевать можно было. Потом залезаю в башню, смотрю, чтобы стабилизаторы работали, электроспуск пушки и пулемета. Если все работает, перегоняем машину в соседний парк и ставим, если нет, отгоняем ее в другой парк. Технику, взамен негодной, пригнали лучшую со всей 22-й армии.

На бумаге у нас все было отработано, отточено, все классно. Все по планам было замечательно с приемом техники, личного состава. Мобилизационные документы открываешь – хоть в золотую рамку их вставляй! А оказалось, что в реальной обстановке ничего не получается. Того нет, этого нет. Много было мелочей, которые трудно предусмотреть заранее. Например, проблема с аккумуляторами. Когда войска выводили из Германии, они уже были списанные, они же по приказу работали! Хватились технику заводить, а заводить-то нечем! Аккумуляторы уже осыпались! Хоть генерал им приказывай, работать не будут! И где их брать, новые?

Так прошли дни до Нового года. А взводных у нас так и нет...

«Так точно, поеду...»

Эдуард Лопухов, начальник радиостанции Р-161 узла связи полка, прапорщик:

– В 1994 году я служил в 130-м полку связи. Перед Новым годом я должен был заступить в наряд. Прихожу к вечернему разводу. Меня вызывают к комбату подполковнику Копченову, афганцу. Я сразу догадался, что к чему. «Вот, есть...» – «Так точно, поеду». Он трубку телефона поднял, командиру полка докладывает: «Лопухов согласен». Тогда с деньгами было исключительно хреново. Тридцатого декабря вечером у кассы полка стояла толпа, давали деньги, командир полка взял меня за руку, и к кассе. Выдали три оклада.

Наряд отстоял, Новый год встретили, и четвертого января с экипажем радиостанции поехали в 245-й полк. Поставили нас сразу недалеко от «Гайки», в поле, там техника стояла, на обеспечение связи со штабом армии.

Экипаж радиостанции – я, два специалиста и водитель. Экипаж у меня был весь подготовленный. Я из полка в Чечню уезжал один из первых и мне дали хороших специалистов. У каждого свой круг обязанностей, свое спальное место в машине. Водитель, Паша Смирнов из Кинешмы, неплохо ездил, но по отношению к технике был абсолютный разгильдяй. Зато был очень хозяйственный. Сергей Горский – техник. Порядок в аппаратной всегда наводил – идеальный. Все у него всегда блесит и работает. Николай Кабанов – радиотелеграфист, потрясающий специалист. Мог очень хорошо работать на станции. Мы две недели в парке простояли, это помогло нам лучше узнать друг друга, а то все были из разных подразделений полка связи. Успели сладиться, как экипаж. Одно дело, когда солдат в строю стоит, другое – когда он с тобой банку тушенки трескает. Мы сработались быстро...

«Нас успокаивали, убаюкивали...»

Сергей Гришин, замполит полка, майор:

– Нужно было организовать прием личного состава, постановку его на учет, принять замов по воспитательной работе, ввести их в курс дела.

Замполиты батальонов были зрелые офицеры. А вот из направленных в полк замполитами рот каждого второго пришлось отправить назад. Приходили либо неподготовленные, без базового образования, либо такие, кто никогда не были на этих должностях. Многие замполиты приходили либо не желавшие ехать в Чечню, либо «склонные к употреблению». Приходилось от таких избавляться.

Надо было также создать структуру, материальную базу воспитательной работы, готовить офицеров-политработников, изучить их, чтобы не брать с собой балласт.

О политической задаче похода в Чечню мы ничего не знали. Задача была одна: убыть в район станции Червлёная. В полку в эти дни было много старших офицеров из штаба армии, округа. Все они нас успокаивали, убаюкивали. Чувствовалось, что руководство заинтересовано в одном: как бы полк скорей сформировать и отправить в Чечню.

Лидия Морозова, вдова гвардии полковника Морозова:

– Станислав Николаевич был не такой человек, который бы оспаривал принятое командованием решение. У него даже мысли не было, что можно не выполнить задачу. Хотя он знал, что полк не готов воевать – ни техника, ни люди. Полк был просто назначен идти в Чечню.

Дни перед отправкой полка в Чечню были очень напряженными, но Станислав Николаевич никогда ни мне, ни своим подчиненным своих чувств не показывал. Он всегда мог принять правильное решение, которое касалось всего коллектива. Одной из главных его задач тогда была – сплотить людей. Полк фактически был сборный, люди сначала просто не знали друг друга. И в таком состоянии полк вынужден был выполнять боевую задачу.

Глава 2-я: «Были сборы недолги...»

Приказ о развертывании полка до штата военного времени получен, задача подчиненным поставлена – надо ее выполнять. В полку закипела работа. Начался аврал полкового масштаба, постепенно переходящий в армейский...

В первые дни нового 1995-го года в казармы полка стали прибывать и солдаты...

«А где здесь американцы?»

Олег Шатохин:

– В ночь со второго на третье января нам наконец-то привезли личный состав, в общей сложности тысячу семьсот человек, из Хабаровска, на самолетах. Вваливается через КПП такая толпа и первый вопрос: «А где тут американцы?» – «Вы что, охренели совсем?» Оказывается, этим ребятам сказали, что они летят на совместные учения с американцами. – «А мы где?» – спрашивают. – «В России!» – говорю.

Потом я понял, почему в полк привезли солдат из такой дали: на Дальний Восток так просто от нас из Нижегородской области не убежишь. Солдаты были из Приморья, с Камчатки, Сахалина, из Хабаровского края.

«Не думая и не гадая...»

Денис Белоусов, командир БМП, сержант:

– Ночью с Хабаровского аэродрома поднялся военно-транспортный самолёт. Закладывало уши, но, несмотря на это, ребята-новобранцы, прошедшие «учебку», шутили, разговаривали, смеялись, не думая и не гадая, куда их направили, и где они будут проходить срочную службу.

Я тоже летел в этом самолёте. В самом начале службы в 1994 году я обучался на командира БМП в Князе-Волконском, оттуда попал служить в Амурскую область, но и там пробыл совсем недолго. Успел родителям написать письмо о том, что жив, здоров. И не знал, что уже ночью в составе роты буду лететь в Нижний Новгород.

«Полная конспирация...»

Владимир Личман, механик-водитель тягача ремонтной роты, младший сержант:

– В армию меня призвали осенью 94-го, в учебке, в Завитинске, готовили на механика-водителя танка. Готовили нас неплохо – были и стрельбы на полигоне, и марш на сто километров. По крайней мере, я знал, как танк заводить, и из автомата тоже стрелял.

Оттуда нас в конце декабря собрали из всей дивизии несколько сот человек и отправили в Хабаровск. Получили новое обмундирование, бронежилеты, каски. Никто из командиров даже словом не обмолвился – куда и зачем едем... Полная конспирация. Сказали только, что в боевую часть. И – на самолет. Приехали в Мулино. Посмотрели мой военный билет, кто я по специальности, и распределили меня в ремроту, на тягач.

«Я понял, что мы мясо...»

Иван Н., заместитель командира взвода, младший сержант:

– Двенадцатого июня 1994-го года меня призвали в армию. По распределению я с большей частью парней из своего города попал в войсковую часть, расположенную в городе Завитинске. Это была учебка. Сначала попал в мотострелки, но потом перевели в танковый полк. Двадцать четвертого декабря 1994 года нас, из всех частей расположенных в Завитинске, собрали около двух тысяч человек, заставили заполнить анкеты, выдали новое обмундирование и сказали, что поедем на совместные учения с американцами. Ночью нас погрузили в вагоны и рано утром мы прибыли в Хабаровск, откуда нас отвезли в войсковую часть быстрого реагирования «Млечник» – туда свозили всех из дальневосточных частей. В части творился беспредел, действовал принцип: всё свое ношу с собой, иначе украдут. Проснувшись утром, обнаружил, что пропали сапоги. Пришлось искать себе обувь таким же макаром. Потом спал обутым.

Там в первый день ко мне подошел парень, мы поговорили с ним, познакомились. Это был Дима Гонтарь, который потом попал в плен. Но он быстро метнулся к другим парням, которым сказал про меня что-то, и у нас с ними произошёл конфликт. Чуть не дошло до драки. Впоследствии тот парень, который пытался на меня надавить, служил в пятой роте, и мы иногда сталкивались с ним. Помню его злые глаза, я видел, как он хотел меня порвать. Но дальше обмена взглядами ничего не происходило. В Хабаровске мы встретили Новый год, нам вручили всем по подарку. Там же я узнал, что мы едем в Чечню. Я понял, что мы мясо, так как перед отъездом из Завитинска я видел по телевизору, что происходило в Чечне.

Каждый день приезжали генералы, проверяли нас на готовность, а мы стояли на плацу по часу, а то и по два. Пока ждали его приезда, было ощущение, что стоишь голыми ногами на плацу. Генерал пробежит в своих надраенных штиблетах пять минут вдоль строя, и уедет. Как мы все их материли... Хорошо, что они не слышали...

Один раз нас вывезли на полигон, где мы бросали камни, вместо гранат, в окно здания...

«Утром пожурят, попугают...»

Роман Вищеревич, оператор-наводчик АГС, рядовой:

– На призывном пункте Владивостока за распитием водки я познакомился с двумя парнями – Саней Усатых и Сергеем Поповым. С ними попал в одну учебку, в одну роту. После учебки я и Попов попали в один батальон, а Усатых тоже в Белогорск, но в другой полк.

Моя служба началась с танковой учебки Завитинского учебного центра, механиком-водителем Т-80. В неделю два вождения, два раза стрельбы, два кросса. Для армии образца 1994-го это было вполне нормально. Четвертого июня 1994 года по окончании учебки меня перевели в Белогорск, в танковый батальон мотострелкового полка.

В конце декабря шесть человек из нашего батальона, в том числе четверых «дедов» и нас двоих после учебки откомандировали в Хабаровск, на Красную речку. Сначала нас повели на смотрины, и как раз в тот полк, где служил Усатых, где мы и повстречались. Узнав, что и как, он и Олег Шупыра написали рапорта, что готовы ехать. Народу там было много, со всего округа собирали.

Перед Новым годом нам выдали деньги и отметили мы его прекрасно. В начале января, после того как КПП части начали осаждать родители, нас под утро перебросили на аэродром, потом на самолеты, взлетели и через несколько часов – «Здравствуй, Мулино!».

Почти половина из нас были танкисты, и, так как других солдат не было, раскидали в полку в Мулино, кого куда. Так я и стал оператором-наводчиком АГС. У нас половина взвода были бывшие танкисты. Первым командиром взвода был капитан Хохлов – хороший мужик, с ним воевать было можно. Старших командиров не помню – они все были в орденах, даже зампотех батальона.

Получили оружие и все остальное. Каждый день в Мулино мы проводили на полигоне – пристреливали автоматы и учились стрелять из АГС, изучали для нас новый вид оружия, о котором я раньше не знал. АГС оказался простым в обращении и больших навыков не требовал. Моим номером расчета АГС был Олег Шупыра, с ним всю зиму 95-го в секретах просидели.

Какая у нас могла быть дисциплина: деньги давали часто, водка – дешевая. Деньги просто выдавали – сперва в Белогорске, потом в Хабаровске, в Мулино. Водка в Хабаровске была 9000, а в Мулино – 2500. После ужина мы ходили в поселок, патрулей не видел ни разу. Пили в казарме. Если честно, пьянство процветало повсеместно. Строго никто не наказывал: командиры знали, куда мы едем. Утром пожурят, попугают, и все. Контроля вечером за нами практически не было.

«Всё было на нервах...»

Александр Суровцев, командир 2-й мотострелковой роты, капитан:

– На момент получения директивы Генштаба на отправку полка в Чечню: техники нормальной – нет, людей – нет. Пригнали нам БМП-2 из других частей армии, из них и того, что у нас было, выбрали хорошие машины, скомплектовали, получилось более-менее.

Солдат с Дальнего Востока привезли уже экипированных, в бронежилетах, но кто же из командиров отдаст в другую часть хороших солдат. Отобрали из прибывших механиков-водителей, большинство из них были очень слабые в профессиональном плане. Наводчики-операторы имели только начальный уровень подготовки, не могли толком снарядить боекомплект, не знали, как вставлять в пулемет ленту с боеприпасами.

Все дни до отправки мы, офицеры, жили в казармах с солдатами. Проводили боевое слаживание, огневую подготовку, но из командиров взводов у меня сначала был только один, старший лейтенант Сергей Быхалов. За три дня до отправки пришел еще один взводный, а третий командир взвода появился перед самой погрузкой в эшелон. Техник роты был водолаз по профессии, прислали его из понтонного полка в Муроме: «Что это такое – БМП?», – смотрит на нее с удивлением. По технике, имеющейся в мотострелковой роте, он практически ничего не знал.

Все было на нервах в эти дни. Старшины роты нет, поэтому вся вещевка, каски, снаряжение, их хранение, выдача под росписи, да и штатную книгу надо составить – все было на мне, и все надо было сделать и оформить за неделю...

«Попадались и такие ухари...»

Александр Синякович, начальник штаба 2-го мотострелкового батальона, майор:

– До Нового года в соседнем дисбате объявили амнистию, дали оттуда людей, но часть из них от нас дезертировали. Основная масса солдат была с Дальнего Востока. Разные оказались люди. Были и толковые, механики-водители, наводчики. Во взводе связи, который мне подчинялся, люди были обученные. Запомнил наводчика-оператора рядового Ли, кореец – изумительный был солдат, стрелял хорошо. Помню механика-водителя рядового Гоголева. Они были уже послужившие.

Но попадались и такие ухари, что даже рассказывать не хочется... Захожу как-то в солдатское кафе, некогда домой было ходить, мы на ходу от усталости засыпали, а там гужбан стоит – одеколон пьют. И такие были, но не все.

Как-то ездили с командиром минометной батареи Игорем Андроновым домой, возвращаемся в полк, и у самых ворот мы с ним заснули от усталости. Машина уперлась в забор, буксует, кто-то идет, в стекло стучит: «Парни, вы куда?»

«Я разучился спать...»

Петр Шашкин, командир 6-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– Первого января мы с Виталием Зябиным собрались отметить Новый год. Вдруг ночью стук в дверь, посыльный из штаба полка: «Сбор по тревоге! С собой иметь противогаз».

В ночь с первого на второе января моя рота уже была сформирована, численностью – сто один человек. Но из офицеров и прапорщиков в роте я был один. Приказ о назначении ротным получил только четвертого января. Все формирование роты было на моих плечах, так как до 12-го января у меня не было командиров взводов, старшины, техника и замполита. Они пришли, когда рота прошла боевое слаживание, загрузилась боеприпасами, получила все имущество. Командиром первого взвода пришел лейтенант Сергей Желудков, служил у нас полгода, второго – лейтенант Саша Марголин, внук знаменитого конструктора pistols. Позже его назначили командиром гранатометного взвода, и в конце остались я и Желудков. Третьего взвода не было, вместо него был внештатный огнемётный взвод, как резерв командира полка.

С того момента я и разучился спать. Мой сон составлял примерно полтора часа в сутки. Много надо было получать имущества, снаряжения, все самому, все надо записывать. Поэтому и не спал, держался на кофе. Однажды в эти дни комбат отругал меня, что я вывел роту на построение с оружием вместо лопат. Я так устал, что перепутал. Комбат приказал отвести меня спать, но как я мог оставить роту – вышел через другие двери казармы и снова встал в строй. Комбат тогда хотел меня убить... Я уже не понимал, не осознавал, что делал.

Если говорить честно, а особенно сейчас, когда я чего-то смог достичь, и служба моя на стадии заката, думаю, я могу дать анализ своим действиям на тот период времени. Не знаю, что думают другие, а я считаю, что попадись мне сейчас такой ротный, каким я был на тот момент – порвал бы «как Тузик грелку». Думаю, что я был никудышным ротным. Это моя самооценка и прошу не укорять ни в чём.

«Пясть умеешь? Что такое транзистор?»

Вадим Лященко, начальник связи полка, капитан:

– Начали приходить борта с Дальнего Востока. Бойцов в клуб загнали, нас, группу офицеров, посадили в комиссию отбора. Сидели по порядку: сначала разведка, потом я, связь, и другие спецы – артиллерия, зенитчики, танкисты и т. д. Отбирал по принципу «свет в глазах». Задаю вопросы: «Пясть умеешь? Что такое транзистор? Как ток по проводам течёт?» Если отвечает – беру сразу.

Офицеров в моем подчинении сначала не было вообще. Один мой солдатик-срочник, ещё с Германии, Максим – с ним вдвоем и начали подготовку личного состава. Потом прислали офицеров и прапорщиков, всех из Воронежа. Ротный Бронислав Волков – молодой старлей, но хватка сразу была видна, толковый, рассудительный, спокойный. Прапорщики – молодцы, технари, технику подготовили, укомплектовали. Старшина, старый дед, личный состав обеспечивал классно. В общем, повезло мне и с офицерами, и прапорщиками.

Дополнительно в полк придали узлы связи, для связи с Москвой, армией, штабом группировки.

Тропосферная связь, космическая, релейки, ЗАС (закрытая армейская связь – авт.) и т. д. В общем, всё, чего в полку в принципе быть не должно. Но офицеры на приданных узлах были хорошие, реально профи. Я училище связное не заканчивал, мне трудно было в нюансах разобраться, общее руководство осуществлял всей этой машиной, они – молодцы ни разу не подвели. Я тогда ещё капитаном ходил, а начальник космической станции был майор. Чудно было: целый майор докладывает мне, капитану, о выполнении задач. Они понимали, что на мне вся ответственность лежит, поэтому и старались не подводить.

Укомплектовываться техникой нам помогали два полковника из штаба округа. И, как ни странно, действительно помогали, а не мешали. Радиостанции переносные, аккумуляторы к ним, кабель телефонный, телефонные аппараты – всё появлялось по моей заявке мгновенно. Так что спасибо им.

Был в те дни интересный момент... Кодограммой прислали таблицу позывных для полка. Там такие слова были выбраны, что без пол литры и не выговоришь. Из опыта Закавказья, знаю, что для пехоты позывные должны быть легко запоминающиеся, а то в горячке боя солдатик никогда не вспомнит, как его командира в эфире зовут. Позвонил в Москву, ругался долго, и со связистами, и с особистами. Разрешили мне свои позывные придумать и готовую таблицу им переслать. Так появились в эфире «Лев», «Рысь», «Бизон», «Гранит», «Сосна», «Буссоль»... Ну, а себе оставил «Пума-20», я с этим позывным ещё с Закавказья воевал.

«Тяжело, но ничего...»

Евгений Крюков, заместитель командира ремонтной роты по воспитательной работе, капитан:

– В полк на эту должность я приехал третьего января 1995 года, а командир роты при-
был вообще за пять дней до отправки эшелона. До этого я служил замполитом технической
батареи в ракетной бригаде, а еще раньше – в стройбате. В конце 94-го года ко мне пришел
психолог части: «Жень, ты можешь не ехать в Чечню: у тебя маленький ребенок». У меня
не было бы морального права быть замполитом, командовать, работать с личным составом,
если бы не поехал. Тем более что троих военнослужащих нашей батареи я уже отправил в 166-
ю мотострелковую бригаду. В полк нас поехали два офицера – я и капитан Олег Гордиенко,
и два прапорщика – Кальков и Попов. Те из кадровиков, кто нас подбирал в полк – руковод-
ствовались одним: заткнуть бы дырку в штатке. Но этим затыканием очень часто попадали
в точку...

Доехали до полка на электричках, на попутках. Хорошо, что мы приехали вчетвером:
со знакомыми было легче. Поселили нас в модуле вместе с другими приехавшими офицерами –
там холодно, голодно. Пришли в клуб, там нас распределили по подразделениям. Заместите-
лем командира нашей роты был капитан Эдик Тумасов, прекрасный офицер, которого уважали
солдаты и командный состав подразделения. Командирами взводов были старший лейтенант
Облаков – взвод регламента, из Берлинской бригады, и прапорщики Папка – взвод бронетех-
ники, Слава Кальков – автовзвод и впоследствии, уже в Чечне, Хлебников – взвод спецработ.
Взводом ремонта оружия также командовал хороший прапорщик. Командиром роты был стар-
ший лейтенант Олег Гордиенко, однофамилец другого, который с нами приехал из Шуи.

Мой сослуживец по ракетной бригаде Олег Гордиенко пошел замполитом в третью мото-
стрелковую роту. Командир ее, Хуршед (Слава) Сулейманов, изумительный, спокойный чело-
век, очень грамотный офицер. Это был хороший тандем – Олег Гордиенко и Хуршед Сулейма-
нов, холерик и сангвиник. Через полгода, в начале июня сидим у него в роте, столик поставили,
не без водки. К тому времени из «старых» офицеров в роте уже никого не было... Гордиенко
остался один, остальные уже заменились. «Олег, – говорю Гордиенко, – ты больше на бое-
вые не ходи, у тебя же трое детей...» – «Хорошо, не пойду». В это время строится колонна
на Шатой, подбегает боец из его роты: «Товарищ капитан, вы с нами пойдете?» – Гордиенко
так посмотрел на меня, жалобным, непонятым взглядом, и ответил: «Да, иду». И боец кричит
по колонне: «Мужики! Замполит с нами идет!». И все закричали: «Ура!» О такой оценке, таком
доверии солдатами работы офицера можно было только мечтать... Ну, как он после этого мог
не пойти на операцию, хотя мог был ехать домой – ему уже шла замена.

Пятого января в роту стали приходить бойцы. Разные были, слов нет... Тот же Максим
Зотов – хороший сварщик, но разгильдяйчик еще тот... Помню, как подошел ко мне один
узбечонок с Дальнего Востока, просится в роту. Его хотели оставить в Мулино. Мы стара-
лись мусульман не брать в Чечню, чтобы на него там свои не наехали. Упросил, взяли его. Он
не прятался от службы, не бегал. Солдат в роту отбирали сами: нужны были специалисты. Без
сварщиков, слесарей, ремонтников других специальностей в ремроте вообще делать нечего.
Нужны были механики-водители на тягачи – без них не было ни одного боевого выхода тех-
ники. Техники в роте было много: два-три тягача, на базе «Урала» для эвакуации техники, два
танка, тоже как тягачи работали. Техника была не совсем убитая, но и не новая. Пацаны начали
ее ремонтировать. Это был ужас: холод, согреться негде. Как они ее заводили на морозе –
ума не приложу... Очень помогал командир взвода старший прапорщик Валерий Васильевич
Папка – афганец, умница, прекрасный человек, отличный техник, профессионал. А как он пел,
хотя и хриплым голосом, сколько песен знал... Он в эти дни по всему полку мотался со своими

ребятами. Прапорщики с солдатами привели технику в более-менее нормальный вид. Вся она стояла в поле...

Моя задача была – собрать данные на солдат, по штату в роте было 87 человек, все записать, а времени – в обрез. Со всеми надо познакомиться, я до сих пор удивляюсь, как успел все это сделать до боевых действий. Один пацан за мной как хвостик ходил, по всему полку, чтобы взяли его именно в нашу роту, и потом оказался прекрасным бойцом. Еще одного солдата привели, а я не хочу брать, было какое-то нехорошее предчувствие. Он, рядовой Стракулин, при мне погиб единственный в роте, 27 марта, недалеко от Промканала и речки Гойта, от случайного выстрела.

С дисциплиной было сначала тяжело, но ничего. В подразделении подобрался хороший коллектив офицеров и прапорщиков, которые не были новичками в работе с солдатами. В ремроте чем было проще: к вечерней поверке солдаты настолько уставали, что им уже ни до чего было, не до ерунды. Некоторые по вечерам выпивали, не без этого, но людей мы загружали всегда чем-нибудь.

Подготовка к отправке – это был кошмар. Спали урывками, не высыпались, все на нервах. Тяжело было... То и дело совещания – об этом даже вспоминать не хочу... Каждый вечер доклад по личному составу и чего из техники не хватает... Но запомнилось в эти дни спокойствие командира полка.

«Мы шо, на параде?»

Игорь Ткаченко:

– Третьего января я уехал в часть. Приехал и попался на глаза Чепусову, начальнику штаба полка. Воткнули меня в наряд по части. В полку суматоха, никто не знал, за что хвататься и куда идти. Все были в нервном состоянии. Мы после Германии были все как на расслабоне, что ли, и тут на тебе – «военное время». Сажу в «аквариуме», дежурю, вокруг люди ходят неприкаянные. Подходит ко мне подполковник из штаба дивизии: – «Ты Ткаченко?» – Без ложной скромности говорю: – «Так точно» – «Тебя послезавтра вызывают в военную прокуратуру, в Нижний» – «Зачем?» – «Там всё узнаешь».

А у меня послезавтра опять наряд по части. Спрашиваю Чепусова: «Сергей Иванович, так и так, прокуратура, Нижний, и наряд как-то не получается», он мне: «Забей», – «Есть забить». Забить всегда хорошо у меня получалось. Проходит два дня, картина повторяется: «аквариум», наряд, подполковник из штаба дивизии и немой вопрос «Старлей, ты какого рожна здесь?» Я был сообразительный малый и не стал дожидаться, когда вопрос сформулируется и быстро перевел стрелки на начальника штаба полка, подполковника Чепусова, который по неосторожности проходил мимо. Штабной вспомнил годы, когда он водил роты по нескошенным лугам и рассказал Сергею Ивановичу, что нет никакой необходимости препятствовать работе военных прокуроров. Сергей Иванович согласился. Договорились на шестое января 1995 года.

Приехал в прокуратуру. Следователь прокуратуры с суровым видом сообщает мне, что я подозреваюсь в избиении офицера дисбата и его жены в поселке Мулино во время празднования Нового года, в Доме офицеров 31 декабря. – «Меня в Мулино не было, я был в Питере» – «Проверим». Но, чувствую, он не то что проверять не собирается, он меня уже заочно осудил и в камеру посадил лет этак на пять. Улыбаюсь. – «Зря скалишься, старлей, это серьезные обвинения, тебя опознали» – «Я через неделю-другую в Чечню уезжаю» – «Сбежать у тебя не получится, сейчас закроем тебя в камере и будешь сидеть до суда».

Тут-то мне совсем весело стало. Сдержался, промолчал. Приехали потерпевшие... Смотрят на меня и, к разочарованию следователя, не могут меня опознать. – «Не, не он, на фотографии он был, а живую не похож». И всё. Гражданин начальник мне: – «Встань, сними очки» – «Иди ты, капитан, к лешему, не было меня там. И в очках не было, и без очков не было».

В общем, капитан дисбата опознавал своих обидчиков по фотографиям из личных дел в штабе 47-й дивизии. Знал, что обидчика звали Игорем и что он был артиллеристом. Приглянулась им моя фотография, вот вся заваруха и началась. Не знаю, что да как, но следователь был очень расстроен. Потерпевший извинялся за себя и за следователя и, в качестве моральной компенсации, довез меня на своей машине из Нижнего в Мулино.

Приехал в полк злой, замерзший и уставший. На следующий день в полк пришли борта с личным составом, но вопрос с моей должностью так и не был решен. Техники во взводе визирования нет, людей нет, хожу по части как прикомандированный. Спрашиваю: «Что делать-то?» – «Жди». Чего ждать – не говорят... В конце концов десятого января вечером Игорь Бабанин, наш строевик вызывает и спрашивает: – «Пойдешь СОБом к Зиновьеву, в минометную?» – «Я бы в дивизион...» – «Там нет должностей, все занято, надо в минометную, в первый батальон». – «Хорошо, оформляй».

Лешу Зиновьева я знал хорошо еще по Германии, с минометами было хуже, но это не являлось большой проблемой, и я согласился, жалея, конечно, что не попал в артдивизион. Леша мне: «Дуй в расположение и принимай личный состав».

Пришел в расположение батальона, на втором этаже в дальнем углу расположилась минометная батарея. В расположении царил хаос... Бойцы хаотично перемещались по казарме, некоторые уже находились в состоянии невменяемости по причине воздействия на их неокреп-

шие организмы паров алкоголя. Время было около 20.00. Зашел в каптерку. Сидят два офицера. Познакомились, ими оказались Игорь Андреев из артбригады, второй «сошник» и майор, замполит батареи, Игорь. Они дико обрадовались моему появлению. Замполит быстро стал собираться, подтягивая за собой Андреева: «Мы на ужин сходим, помоемся и к вечерней проверке придем, представим тебя». Я знал, что увижу их не раньше завтрашнего утра, но их можно было понять. «Идите – говорю – буду ждать», и они бочком, бочком, юрк и – нету. Я посидел немного, почесал репу и пошел строить своих чудо-богатырей. Богатырей было не много, больше – чудес... Построил. Стоят. Подаю команду: «Равняйся!»... Стоят, кто как. «Отставить. Равняйся!»... голос с галерки: «Мы шо на параде?». Более того, во время чтения списка вечерней проверки пехота продолжала своё хаотическое и сумбурное движение по расположению. – «Хорошо, согласен, не на параде. Давайте знакомиться». Начинаю читать список проверки, не обращая внимания на отзывы «здесь» и «тута». Дочитал до конца список, пропустил только одну строчку, в которой было вписана всего одна буква, подумал «ошиблись, наверное, в суматохе». Спрашиваю: «Кого пропустил?» – «Меня», – отвечает боец. – «Как фамилия?» – «И. И Сан Хо. Сан Хо – имя, И – фамилия».

Понял, не ошиблись. Из строя вопрос «А вы кто такой будете?» Мелькнула мысль: «Хорошо, что на «Вы». – «Я ваш старший офицер батареи, фамилия моя Ткаченко, зовут меня Игорь Викторович, времени для знакомства у нас с вами будет предостаточно, а сейчас даю полчаса на подготовку ко сну и отбой. Вопросы есть?» – «Нет». – «Тогда замкомвзвода ко мне, остальные разойдись».

Объяснил сержантам политику партии по поводу отбоя, но поддержки в их глазах не увидел. Отпустил и их. Отошел в каптерку, выпил чаю, посидел минут двадцать и вышел проверить свои владения. Нет, я понимал, что не увижу там идеальной картины всеобщего сна, но то, что я увидел, совсем не укладывалось в моё понимание. Спать никто не собирался, ну, может человек пять-десять и укладывались, остальные занимались кто чем. Зашел поглубже, между кроватями обнаружил посиделки. Сержанты накрыли «стол» – две бутылки водки, скромная закуска. – «Вы, братцы, ничего не попутали?» – «Да ладно, мы, может быть, последний раз в жизни. Ты же понимаешь, старлей. Садись с нами», – «Спасибо за приглашение, но после команды „Отбой!“ не пью».

Забрал водку, зашел в умывальник и вылил водку в раковину... Картина маслом... В умывальнике, гудящем как муравейник, воцарилась тишина. Только слышно как водка булькает... Казалось, некоторые перестали дышать. По окончании процесса раздались недовольные голоса. Вернулся в расположение. Опять сидят, опять с водкой. Повторил процедуру. Стал укладывать по кроватям. Уложил основную массу, остальных навывергивал из умывальника соседних расположений и туда же – в койку. Час я потратил на раскладку бойцов и вместо «Спокойной ночи, товарищ старший лейтенант» получил: «Ну, п...ц тебе, старлей, твоя пуля первая будет в Чечне». Результат, тем не менее, был положительный. Минометная батарея «тверёзая» к нулям спала или делала вид, что спит. По сравнению с медчастью мы были ангелами, пехота гуляла до двух часов ночи.

«Открываем ящики – автоматы ржавые...»

Александр Синякович, начальник штаба 2-го мотострелкового батальона, майор:

– Техника батальона – БМП-1, на пятьдесят процентов укомплектован. Пригнали нам новую технику из танковых полков, собирали ее везде, где можно. Как раз ударили морозы, а парк, где стояли машины – открытый. Заводили потом с огромным трудом. А затем оказалось, что берем с собой не БМП-1, а БМП-2. Надо было быстро переучиться, и офицерам, и обучать людей.

Выдали солдатам оружие со склада. Открываем ящики – автоматы ржавые, да такие, что затворы было не передернуть. У некоторых автоматов и ремней не было, проволоку вместо них прикрутили. Повел с одним сержантом солдат на тактические занятия. Как раз приехал на полигон командующий армией генерал Ефремов. – «Что у вас творится?» – спрашивает меня. – «Занятия проводим». – «А где взводные?» – «Нет». – «Где ротные?» – «Нет». – «А где ремни на автоматы?» – «Нет». Потом все же их нашли, эти ремни.

С горем пополам сформировались. Это было очень трудно. Люди прибывали, их надо записать в штатные книги, бумаг было – ужас! Кто-то заболел, надо искать замену, потом матери солдат стали приезжать, своих детей пытались забирать. В эшелоне, когда уже погрузились, я все еще пересчитывал, сколько же у нас личного состава. Цифра постоянно колебалась. На момент отправки в батальоне было 420 человек.

Два техника роты были опытные, прапорщики Червов и Папка, они и загружали технику на платформу, крепили ее солдаты. А вот третий техник... Когда на Червленной разгружались, у одной БМП гусеница слетела, я этому технику говорю: «Быстрее, что стоишь, помогай! – «Я вообще-то музыкант!». Он из какого-то оркестра был, а его техником роты назначили.

Все подразделения, что положены по штату, у нас были. Но все же в штат надо было ввести еще некоторые подразделения. В штате мотострелкового батальона, по-моему, должен быть инженерно-саперный взвод. Мины же надо ставить, а кто будет разминировать? Надеяться только на инженерно-саперную роту полка не стоит. Нужна была своя землеройная машина, инженерная машина разграждения. Разведвзвод неплохо бы иметь. В Афганистане у нас в батальоне был штатный разведвзвод. По штату в каждом взводе был снайпер, но лучше, чтобы в батальоне они были одной командой, со своим офицером, который бы их тренировал. Когда у командира взвода в подчинении и снайпер, и пулеметчик, и гранатометчик, то снайпер, как правило, наименее обучен.

Своего артиллерийского дивизиона полку в принципе хватало, но было бы больше артиллерии – было бы лучше. Артиллерия работала хорошо: дали ей заявку на огонь – выполняется без затяжки.

А вот по тыловому обеспечению... Например, одна баня на полк – это смешно...

«В политику я не вникал: некогда...»

Юрий Цуркан, командир 2-го мотострелкового батальона, майор:

– В начале января пошли борта с солдатами с Дальнего Востока... На должности механиков-водителей БМП прислали механиков танков и водителей БТР. А у нас же БМП, это другая структура. У меня в батальоне были БМП-1, а потом нас пересадили на БМП-2. Майор Юдин их пригнал из Сормова, учил мои экипажи пушки заряжать, разряжать. Одновременно и водили, и стреляли. Чему-то тогда научили, но больше по ходу дела научились, в Чечне.

Состояние оружия было хорошее. Кому попадалось ржавое? Со склада, может быть, но его же надо было почистить! Люди любят сгущать краски. Может быть потом, когда в горах стояли, состояние техники и оружия было хуже. Помню из этого периода такой способ запуска двигателя БМП. Машина стоит в гору, мордой вперед, под гусеницы кладут камень, механик садится в люк, камень выдергивают, она покатила назад и – завелась. Такой способ приняли, потому что аккумуляторов не было. Никто ими не занимался, вот они и пришли в негодность.

Были у меня хорошие прапорщики, Папка и Червов, в Прибалтике служили инструкторами в учебке, они практически технику батальона вдвоем и загрузили на платформы, все 40 машин.

Что нас ждет в Чечне – представлял смутно.... Непонятная задача была. В политику я не вникал: некогда, у меня пятьсот солдат, техника, имущество... Даже не знали, зачем едем. Все нам объясняли в общих словах...

«А зачем мы туда едем?»

Евгений Крюков:

– Правильно замполит полка майор Гришин сказал, что практически ничего до нас не доводили. При формировании полка один из сержантов роты меня спросил: «Товарищ капитан, а зачем мы туда едем? По какой причине?» – «Мы выполняем приказ. Больше пока и сам не знаю». Потом этот сержант, когда на станции Червленной русские старушки кланялись моим пацанам в ноги и, благодарили, что защищаем нас от беспредела, понял, зачем мы в Чечне.

«Опыта у большинства – никакого...»

Петр Шашкин, командир 6-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– Солдаты были в основном из 882-го и 386-го полков, из Хабаровска. Им сказали, что едут на учения, или на подготовку к параду. Начальная боевая подготовка у большинства была с оценкой «неудовлетворительно».

Только в период боевого слаживания солдаты узнавали, как загружать боезапас в БМП, как стрелять. Помню, механик-водитель БМП Витя Кравченко на самом деле был кочегаром на полигоне, Кирилл Кардашидзе был механиком-водителем танка Т-80, а к нам попал наводчиком-оператором БМП. Опыта у большинства – никакого. Но вот Андрей Заикин, мой механик-водитель – молодец, машину и свое дело знал отлично, у него талант был. Помню случай, когда Валера Каблуков подорвался на ГАЗ-66, мы его везли в медроту на нашей БМП, вижу – впереди траншея, говорю Андрею: «Аккуратно, в машине раненые», – «Ротный, командуешь ротой и командуй, а мне не мешай». Машина пролетела через капонир и падает на все двенадцать катков плавноенько, как ни в чем ни бывало, и дальше пошла...

Перед отправкой я спрашивал солдат своей роты: «Поедешь?» Были такие, что отказались ехать. Убежал младший сержант Евгений Масловский. Потом оказалось, что он был неоднократно судим, в том числе за незаконный переход госграницы. Через два года мне пришло письмо от следователя с Дальнего Востока, требовал характеристику на Масловского. Его посадили, как дезертира.

«Зато документы были в порядке...»

Игорь Бабанин, старший помощник начальника штаба полка по кадрам и строевой части, старший лейтенант:

– С прибытием в полк солдат в штабе началась авральная работа. Всех надо принять, оформить, а их тысяча семьсот человек. Огромный объем работы по документам. Приходилось все это делать днем и ночью. Я диктую машинисткам, они печатают приказ на зачисление солдат в полк, это номер по порядку, должность, военно-учетная специальность, фамилия, имя, отчество, место рождения, призыва...

Все они хорошо одеты, в бронежилетах, чудо-богатыри! Но как солдаты, это были полные нули, ничего не знали. Заполняю учетно-послужной список, передо мной – механик-водитель БМП. Спрашиваю: «Сколько передач у БМП?» Я окончил Киевское танковое инженерное училище, в Германии служил командиром взвода ремонтной роты, потом помощником начальника бронетанковой службы полка, поэтому технику знал. У этого солдата глаза становятся круглыми, молчит. – «Ладно, вопрос попроще: сколько катков у БМП?» – «По-моему, пять». – «Вообще-то двенадцать...». Зато документы у всех таких механиков-водителей были в порядке. В военном билете, в учетно-послужной карте написано, что прошел учебку, имеет классность, да и печать стоит. Солдаты на Дальнем Востоке в то время – истопники или все время в наряде, какая там боевая учеба... – «Топил?», – спрашиваю, – «Топил» – «Чем?» – «Углем...»

Но потом помаленьку начинали их учить водить БМП, стрелять. Восемь часов разницы с Дальним Востоком, ночью солдаты ходили по казарме, не спали, а днем на занятиях, только команда «Перекур!» – на снег попадали, и спать. У них не было времени хотя бы адаптироваться к другому часовому поясу...

Солдаты писали на конвертах домой из Мулино: «Почтальон, доставить скорей письмо маме, меня отправляют в Чечню».

Евгений Ращупкин:

– Стал ездить с командирами рот принимать технику на батальон. Ее собирали со всей дивизии. Все системы машин проверяли, чтобы все работало. Техника была боеготовая, но по мелочи все равно что-нибудь вылазило: железо есть железо. Во время приемки техники познакомился с майором Юдиным, отбирали с ним лучшие машины. Вместе их перегоняли, пристреливали оружие. А холода стояли – ужас! Мне майор Юдин еще отдал свои теплые варежки – «А то руки не бережешь!».

Времени не было, чтобы поспать, когда с полигона приходил. Офицеров не хватало. Многие офицеры, кто приходил тогда в полк, друг друга не знали. Так они принимали дела, солдат. А новые солдаты – парни были нормальные, но необученные. Например, снайперу дали пять патронов выстрелить, вот ты и снайпер. Дали мне механиков-водителей – «Возьми, обучи!», но времени на это толком уже не было. Первое время некоторые солдаты еще не знали своего командира роты. Спросишь солдата: «Ты откуда?» – «Не знаю...» Памятки им писали, кто в какой роте, кто командир взвода. Потом пообтерлись, и сержанты их подгоняли, и сами соображали.

Хуршед Сулаймонов, командир 3-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– Технику готовили сами офицеры. Зам командующего 22-й армии по вооружению полковник Ершов в парке около месяца с нами технику готовил, ни минуты не давал расслабляться никому, даже себе. В Чечне я его с благодарностью вспоминал. С техникой у меня в роте осо-

бых проблем не было. С огромной благодарностью вспоминаю старшего техника роты старшего прапорщика Александра Дидыша, прикомандированного из понтонного полка из Владимира.

А вот по подготовке личного состава, стрелкового оружия и слаженности подразделений лучше и не говорить... Личный состав прибывал бортами военно-транспортной авиации из Дальневосточного военного округа. Солдаты были набраны из разных частей, не особо подготовленные, их обманули – говорили, что едут на учения в МВО. Эти ребята в дальнейшем показали себя достойно. Кто остался, не ударившись в бега, иногда удивляли. Война быстро учит. Потом и коллектив сформировался. Солдаты после первых боестолкновений и потерь взрослеют быстро, появляется ответственность, начинают понимать с полуслова. Без неприятностей, происшествий и даже преступлений не обошлось, но в основном я с большим уважением вспоминаю ребят, призванных из Приморья, с Сахалина, Амурской области, Хабаровского края, Забайкалья, Новосибирской области и Урала.

«Один даже держал в руках мину...»

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи 1-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– В целом солдаты были нормальными ребятами, и тогда я понимал, что с ними происходило. Настрой был тяжелый. Бойцы не без основания были озлоблены тем, что их обманули, что они оказались крайними, и мысль, что хуже уже не будет, позволяла им вести себя по отношению к установленному порядку крайне пофигистично. А так как этот порядок олицетворяли офицеры, то и отношение было соответствующее. Говорить о воинском коллективе, патриотизме, любви к Родине, уважении к ратному делу было просто неуместно. Все это придет позже, а до некоторых не дойдет и вовсе. Разными способами и различными методиками, не всегда поощряемыми педагогикой, мы со временем пришли к тому, что стали понимать друг друга.

Утром началось «боевое» слаживание, а по сути мы знакомились друг с другом и начинали обучение бойцов с нуля. В лучшем случае десять процентов (в абсолютных цифрах – пять человек) личного состава видели миномет, один даже держал в руках мину. И смех, и слезы... Сержанты просто аховые, нулевые, как командиры минометных расчетов, и минусовые, как младшие командиры.

Артиллерия – не пехота, в профессиональном плане необходимо иметь достаточно много знаний и отработанных навыков, которые невозможно получить за две-три недели. Для этого требуется время и, что не менее важно, желание обучаемого. И с тем и с другим проблемы: не было ни времени, ни желания. Если со временем мы ничего не могли сделать, то желание приходилось прививать, в том числе и насильственно, т.е. силой кулака и крепкого слова.

«Пошли пьянки, мордобой...»

Николай Тимко, командир инженерно-саперной роты, капитан:

– Своих солдат в нашей роте было всего шесть человек, все контрактники. Взводные свои, хорошие, без опыта, но с военных училищ. Солдат прислали, и это был беспредел... Набирали к нам – кого попало. С дисциплиной были проблемы. Пошли пьянки, мордобой...

Были среди солдат и контрактники. Пообещали им большие деньги. Был в роте один мужик лет сорока, пьянь пьяню, и объясняли ему, что пить нельзя, и били, и к кровати при-
вязывали... А потом ничего, справился с собой, нормально служил. В конце концов у нас слепилась чудесная рота, и это еще до отправки! А вот куда едут – воевать, на смерть – не осознавали. Профессиональная подготовка была – ноль полнейший. Никто ничего не умеет. День и ночь мы, офицеры, учили, гоняли, и сами что-то повторяли. И на практике, и на пальцах шли занятия, в том числе по разминированию.

«Нам сбагрили, кого не надо...»

Игорь Андронов, командир минометной батареи 2-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– Прислали мне солдат, сказали, что батарея скомплектована – только командуй. Но когда начались боевые стрельбы, выяснилось, что номер расчета – солдат с незаконченным высшим образованием, а вычислитель, наоборот – даже среднюю школу не окончил. Но ведь ему надо было уметь считать. Понял, что нам сбагрили, кого не надо. Это была беда одна у всех командиров. Прислали нам даже пограничников. Снайпер, положенный по штату, был такой, что никогда не видел снайперской винтовки. Приходилось переводить солдат на должности, которым они больше соответствуют по своей подготовке. Солдаты все были очень разные. У меня в батарее был брат олимпийского чемпиона Алексея Урманова, здоровый парень, но как человек – слабохарактерный. Его все время чморили – он и спал в окопе, ел отдельно, в бане не мылся. В общем, сам себя запустил. Я боялся, что из-за него будет ЧП, и позже попросил медиков отправить его в госпиталь с последующим комиссованием из армии.

Дальневосточники все были хорошо подготовлены физически. Запомнился солдат, коряк, Нуутан, он занимался оленеводством: «Товарищ старший лейтенант, вернемся – я вашей жене привезу шубу из шкуры лисы-огневки». Саша Паршин, солдат, он меня на машине вывозил, когда меня ранило, обещал: «Дембельнусь, товарищ старший лейтенант, и я вам „Тойоту“ пригоню праворулку».

Как командир батареи, за такой короткий период боевого слаживания я не мог никого ничему научить, потому что меня в батарее не было: то оружие получаешь, то снаряжение, и везде документы оформлять надо. А солдаты целыми днями в поле. Взводные до самой погрузки то и дело менялись. Наконец, командирами взводов поехали Витя Марченко, только что из училища, «пиджак» самый натуральный, Валерий Каблуков. Старшим офицером батареи был Сергей Дубасов, тоже из Твери, кадровый артиллерист. Командиром взвода управления был Сергей Шашков. Он умер после войны. Замполит батареи тоже был кадровый, присланный из Владимира.

У меня в батарее было четырнадцать грузовых машин, десять из них сняли с консервации. Минометы, девять, все новые. Боекомплект везли с собой, да и там получали. А когда в горы пошли, взяли два БК (боекомплект – **авт.**), и чтобы освободить под него место в машинах, пришлось выкидывать валенки, печки. Всегда старались брать больше боеприпасов, воды и пожарать.

«Просто уходили, и всё...»

Юрий Цуркан, командир 2-го мотострелкового батальона, майор:

– Командиров взводов в батальон привозили со всего округа. Мы привели лейтенантов в казарму, часов в шестнадцать, разместили, представили личному составу, – «Готовьтесь к занятиям» – стрельба или вождение, метание гранаты, а к 22-м часам уже нет никого. Просто уходили, и всё. Даже не отпрашивались. Потом еще привозили лейтенантов, и точно также уходили. Из каждой партии присылаемых в батальон командиров взводов оставались один-два.

Уже поехали, остановка, светофор, ждем, подъезжает машина, из нее выходят три-четыре полковника. Один из них представляется: «Мы из Генштаба. Лейтенанта Петечкина – ко мне... Он с вами не едет». Так и увезли.

В Чечне из батальона у меня уехал только один офицер, командир четвертой роты, ныне покойный. Служил с нами в Германии, в технике хорошо соображал. Его ребенку было полгода, заболел, очень просил дать отпуск, я знал, что мы постоим дней десять, и разрешил, он уехал и просто не вернулся. Родители его подключились, а когда мы вернулись из Чечни, он уже в военкомате работал. Остальные офицеры – это лучшие люди армии, без всякого преувеличения. Командир шестой роты Шашкин Петя такой был ответственный, что боялся уснуть, чуть с ума не сошел, приходилось его к кровати привязывать, чтобы поспал.

Николай Звягин, сначала ротным был, потом моим замом. Командиром гранатометного взвода был Сергей Хохлов, там же был сержант Земляк, дальневосточник, очень самостоятельный. Я его поставил на взвод. А Сергея – на роту. Саша Синякович, хороший был начальник штаба, воспитатель у меня был неплохой, из другого полка. Отличный был зам по тылу, из Подмоскovie. Так как мы питались – никто в полку не питался. У меня зам по тылу был отличный, сам проявлял инициативу, ответственный, ему нравился наш коллектив, и он у нас прижился. А потом ему на замену пришел такой, что мог получить машину продуктов, и телевизор в деревне купить за продукты. А замполита в шестую роту, капитана, прислали под Старыми Атагами, так тот вообще со стакана не слазил. Однажды сел за руль пьяный и машину с боеприпасами перевернул. Он был репрессированный, его в наказание к нам в полк отправили. Потом его от нас убрали.

Медики в батальоне отличные были. Командир минометной батареи Игорь Андронов так себя поставил, что все дружно жили. Все в батарее делали хорошо и быстро. Вопросов не было к ним никогда. Радисты у нас были хорошие, два парня.

Начальник связи батальона пришел к нам из структуры, которая космосом занимается. Первый месяц у меня с ним не складывались отношения, чуть не дрались. Потом он свое дело освоил, и у меня была лучшая связь в полку. Ни у кого связи нет, а у меня есть, со всеми, и радио и проводная, у меня не было этой проблемы. Взвод связи был отличный, Синякович собрал, все ребята попались резвые, толковые, надежные. А отбирал их Синякович в полутьме, в клубе, когда привезли самолетом.

Я сам себе завидую, что у меня были такие хорошие офицеры. Хороший у нас был коллектив. Все плохое проходило, быстро забывалось.

«Всё было страшнее...»

Юрий Степаненко, зам. командира 2-го мотострелкового батальона по вооружению, майор:

– Мои однополчане здесь не сгущают краски, а даже не догущают. Все было страшнее...

Когда пришла директива на разворачивание полка, в нашем батальоне офицеров было всего человек десять-пятнадцать. Командиры рот были все, но замов у комбата только замполит и зам по вооружению. Замкомбата не было, начальника штаба не было. Взводных не было, солдат – три-четыре. Мы караульную службу даже не несли, еле-еле обеспечивали внутренний наряд. В казарме не только батальон, но сначала и весь полк размещался на одном этаже. Комбатом-два был майор Юрий Цуркан. Мы с ним дружили, оба побывали в «горячих точках», я – в Приднестровье, в 14-й армии, он – в Таджикистане, в 201-й дивизии. Отношения у нас были прекрасные. Он всегда со мной советовался.

Хотя слухи ходили, но известие, что едем в Чечню, было как гром среди ясного неба. Сначала некоторых офицеров стали откомандировывать на Кавказ. А теперь и нас... Мы своих офицеров отдали, а теперь идти к... Начали нас комплектовать со всего МВО офицерами. Как всегда в Красной Армии – все через ж... Офицеров нет, зато солдат – бортами, по полному штату. Командовать этими отморозками было некому. Какие там сержанты среди них... Уровень боевой подготовки – нулевой.

«Не знали, за что хвататься...»

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи 1-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– Неделя до отправки прошла как один день. Толком и не вспомнить, что происходило. Суeta, одним словом. Не знали, за что хвататься. Коллектив офицеров в батарее сложился хороший. Алексей Зиновьев – командир батареи, Игорь – замполит батареи, Сергей Пименов и Олег Андреев – командиры огневых взводов, Андрей Коновалов – командир взвода управления, и Саша Савицкий – помощник командира батальона по артиллерии. Старшина батареи – Эдуард Андрухин. Ну, и я – старший офицер батареи. Офицеров батальона знал только тех, с кем довелось служить в Германии. Слава (Хуршед) Сулейманов – командир третьей роты, Саша Суровцев – командир второй роты, Петя Шашкин, Сергей Хохлов, Сергей Быхалов...

А в это время в Хабаровске...

«Не могу остаться в стороне...»

Валентина Решеткина, председатель комитета солдатских матерей Хабаровского края:

– В первые дни января 95-го по Хабаровскому телевидению передали, что военнослужащих части номер 51460 готовят к отправке в Чечню. В этом же сюжете сообщили, что матери этих военнослужащих объединились и требуют от властей не отправлять на войну их сыновей. Каждый день идут передачи по российским телеканалам о гибели наших военнослужащих в Грозном и других районах Чечни.

Когда телевидение передало, что матери объединились и создают общественную организацию, я решила, что не могу остаться в стороне. Во-первых, потому что я против войны и насилия, и, во-вторых, у меня сын призывного возраста, а мы, матери, должны быть рядом со своими сыновьями.

В первые дни января с военного аэродрома полетели транспортные самолеты с солдатами и сопровождавшими их офицерами. Солдаты были собраны из различных воинских частей округа. Конечно, все командиры избавлялись от самых проблемных ребят, но для родителей они были самыми родными и дорогими. Потом я стала понимать, что проблемные солдаты – в основной массе самые лучшие бойцы, бесстрашные и шептунские, веселые, и легче переносят трудности...

Забросила свой бизнес, был у меня свой магазин, и решила, что мой долг, как гражданка, быть вместе с этими женщинами. Седьмого января я пришла в помещение, где располагался Фонд мира, и предложила свою помощь. Нам выделили свой угол, дали стол и телефон. К нам на встречу пришли сотрудники краевого военкомата и начальник организационно-мобилизационного управления Дальневосточного военного округа, дали свои телефоны и предложили помощь. Позвонили из приемной главы администрации Хабаровского края, предложили свою помощь, перечислили первые деньги на счет, который был открыт специально для сбора и закупки благотворительной помощи, чтобы поддержать морально наших ребят. Договорились, что, как только первая группа, уехавшая с гуманитарной помощью в Чечню, приедет, будет, что рассказать главе администрации, мы придем на встречу.

«Удалось мало-мальски наездить на БМП...»

«Гранит-60», механик-водитель БМП-2 6-й мотострелковой роты, сержант:

– Я был призван в армию в январе 1994-го. В то время в армии, судя по всему, был недобор, поэтому призыв продлили до конца января. Собрали нас со всей Сибири: Новосибирск, Омск, Красноярск, Кемерово. Сформировали целый эшелон и отправили медленной скоростью на Дальний Восток. Большинство из нас попали в учебную часть в городе Завитинске Амурской области, где и проходили подготовку на различные воинские специальности, в основном механиков-водителей БМП и танков. Остальных, вероятно, раскидали по разным частям округа. Я прослужил в учебке почти год: уговорили остаться сержантом. Не буду распространяться, как нас и чему учили, все и так прекрасно знают, но мне удалось за год хоть мало-мальски наездить на БМП какое-то количество километров, да немного покопаться внутри: я всегда интересовался техникой.

Очень много парней-сибиряков, которые призывались вместе со мной, оказались и в 245-м, и в некоторых других частях, воевавших в Чечне. Причем, все сержанты, служившие со мной в Завитинской учебке, в 245-м служили на рядовых должностях механиков-водителей БМП, как и я, а в разведроте было несколько парней, служивших в учебке в БУБВиТе («Батальон учебно-боевого вооружения и техники» – подразделение учебного полка, в ответственность которого входило обслуживание БМП-1 и предоставление техники для проведения занятий по вождению курсантов учебной части – **авт.**). То есть, ребята неплохо разбирались в технике. Собственно, они и обслуживали БМП, на которых учились курсанты учебки.

«Я понимал, что еду на войну...»

Евгений Жаворонкин, командир отделения 6-й мотострелковой роты, старший сержант:

– Призвали меня в мае 1994 года в 882-й мотострелковый полк в Хабаровск, потом отправили нас на трехнедельные ускоренные курсы операторов-наводчиков БМП-2 в Князь-Волконское.

В Хабаровске мне постоянно снилась война, попал на войну – снился дом, попал домой – дома снилась война...

Я был лидером в роте по боевой подготовке. Подчиненные меня слушались. Оператором-наводчиком у меня с самого начала был Юра Емелин из Находки, мой земляк. Мы с ним с самого Хабаровска были лучшие в своём деле, всегда помогали друг другу. Когда на полигоне в сентябре готовились к тактическим масштабным учениям, и министр обороны генерал армии Павел Грачёв приезжал, то Юра позаимствовал со стола генерала бутылку коньяка на мой день рождения, 25 сентября.

Второго января 1995-го года нас погрузили в машины, повезли, затем погрузили в самолёт, и ночью полетели в Нижегородскую область. На аэродроме пересели в машины «Урал», и привезли нас в Мулино. Там было построение. Народу нагнали отовсюду... 882-й полк в Хабаровске был показательный, постоянно учения, а в Мулино половина оказалось – «пушечное мясо» и «трудные люди». В 245-м полку хорошо подготовлены были те, кто служили с самого начала в Хабаровске. Когда полк доукомплектовали из разных частей, где солдаты не стреляли, это было «пушечное мясо». Я понимал, что еду на войну, всегда туда почему-то рвался. Но я не представлял на самом деле, что это такое – война. Когда люди разорваны на части...

Командиру полка Морозову, командиру батальона – мужик хороший был, моему командиру роты Петру Шашкину, старшине и замполиту роты было тяжело справляться с нами, держать дисциплину. Солдаты продавали всё налево и направо, кроме оружия, пили водку. Выпивка пошла, потому что с самого начала командиры дали слабину. Они не могли нас перевоспитать. Мы выпивали, но до свинячьего состояния я не напивался. В роте пропал автомат. Пётр Шашкин построил нас, долго стояли в казарме, пока не нашёлся автомат.

«Примерно через вечность мы приземлились...»

Иван Н., заместитель командира взвода, младший сержант:

– Наверное, третьего января, точно не помню, нас вывезли в Князь-Волконку, где мы переночевали, а оттуда убыли на аэродром, где целый день ждали борт. После обеда всех повезли назад в казармы. Только выгрузились из машины, не успели мы дойти до дверей казармы, как объявили погрузку, и опять повезли на аэродром. Погрузили нас в десантный Ил-76, как сельдей в бочку. Ходили по головам, до туалета и назад. Примерно через вечность, как мне показалось, мы приземлились. Нам сказали: «Не разбегаться! Сели на дозаправку!». Потом полетели дальше...

Приехали мы, не зная куда. Выгрузились из машин, и в клуб. Там нас записывали по учеткам и распределяли по подразделениям. Меня записали «замком» первого взвода четвертой роты второго батальона. Я был младшим сержантом, по «военнику» должность ЗКВ (заместитель командира взвода – **авт.**), потому и назначили. Взводный был, и сержанты, но всем на все было наплевать. Уже в Мулино мы знали, куда нас отправляют. У всех был просто стресс, в том числе и у взводного. У нашего ротного папа был – генерал. Приезжал за сыном, но он уехал с нами.

Дисциплина в роте была практически никакой.

Механики-водители и наводчики-операторы уходили рано утром и возвращались только перед отбоем – готовили машины. А мы за всё время два раза ездили на учения. Один раз днем, по уши в снегу, но было тепло, и хоть командиры говорили, что у них холодно, но по сравнению с Дальним Востоком это была весенняя погода. Второй раз нам организовали ночные стрельбы, где показали, как стрелять из БМП и как заряжать оружие. Но, если честно, за пять минут ничего не запомнишь...

«Солдаты верили...»

Андрей Д., по штатному расписанию – снайпер:

– С мая 1994-го года служил я в Хабаровске на Красной речке, в показательном полку с позывным «Млечник». В декабре 1994-го года в полк стали прибывать солдаты со всего Дальнего Востока. По всему было видно, что полк укомплектовывают по боевому штату. Всем выдавали новое обмундирование, независимо от того, когда ты его получал ранее. Офицеры говорили, что полк будет отправлен под Москву для проведения совместных учений с подразделениями американской армии. Солдаты верили. Единицы, в том числе и я, знали правду.

Я проходил обучение в школе снайперов и там-то нам сказали, к чему готовиться. Отреагировал спокойно, при поступлении в школу нас сразу предупредили, что готовят для войны и при первой же вооруженной вспышке могут отправить в самое пекло. Когда начались бои в Чечне, я психологически сам себя настроил на неизбежность. В школе нас просили не распространяться по этому поводу во избежание массовых побегов, и мы молчали.

«Я даже Присяги не принимал...»

Евгений Бабушкин, санинструктор полкового медпункта, рядовой:

– Сразу после призыва я попал в госпиталь – заболели глаза. Пока там лежал, приходит врач-офицер, из морга при 345-й судебно-медицинской лаборатории: «Нам надо солдата, чтобы помогал». Поговорил со мной: «Работы не много, тропинку промести, съездить за трупом, и все, целый день свободен». Я и согласился. Перед Новым годом я хотел выписаться и уйти в свою часть, сказал об этом начмеду лаборатории. – «После Нового года и поедешь! Там в Чечню набирают, и тебя еще загребнут!». Я сказал, что мне надо бы Присягу принять, – «Да тебе давно уже чикуху в военный билет поставили и за тебя, где надо, расписались!» Так и получилось, что я даже Присяги не принимал.

Приезжаю в свою часть – «Будешь санинструктором, раз в морге служил!». – «Да я же только тропинки там подметал!» – «Ничего, Бабушкин, научим тебя, уколы будешь делать». Потом мне говорили: «Ты как будто дробинки мечешь, а не уколы делаешь».

А в Чечне назначили меня и заместителем аптекаря медпункта, хотя образования вообще не было. Я знал, где и какие медикаменты лежат, вот меня и назначили.

Присягу не принял, зато у меня было три военных билета. Первый потеряли в штабе части на Красной речке, потом, когда приехали в Мулино, там у многих не было военных билетов, стояли столы, их выписывали, мне выдали новый. А перед погрузкой в эшелон выдали еще один, начмед пьяный заполнил его, да с ошибками. Начмедом полка был майор Аркадий Гайтук, начальником медпункта капитан Крутелев. Его через некоторое время отправили в Нижний Новгород. Анестезиолог медпункта постоянно пьяный был, его тоже в Нижний отправили.

«Хочу за Родину погибнуть...»

Максим Зотов, ремонтная рота, сварщик, рядовой:

– С неохотой вспоминаю я то время... Нас, кто воевал в Чечне, все равно никто не понимает! Все чиновники, к кому доводилось обращаться после войны, говорят мне: «Я тебя туда не отправлял!» А я, когда эту книгу читал, (рабочий вариант), воспоминания своих однополчан – прослезился...

В конце 1994-го года я служил в Хабаровске, сварщиком в ремонтной роте. Меня собирались отправить в дисциплинарный батальон, за то, что избил сержанта. Он был из Хабаровска, стукач. Я уже налысо обрился, а сослуживцы посоветовали: «Просись в Чечню, вдруг тебя возьмут!» Прихожу к командиру своей роты: «Не хочу сидеть, хочу за Родину погибнуть. Можно в Чечню? Заявление написать?» – «Не надо», и достал из ящика стола заявление, написанное моим почерком. Удивился: я же его не писал! Но все равно обрадовался, и пошёл готовиться к поездке. Ночью нас повезли на «КамАЗах», пьяных, в полном обмундировании и экипировке. На аэродроме нас посадили в самолёт и через несколько часов мы оказались в Нижегородской области...

Попал в ремроту. Наш ротный был – Мужик с большой буквы. А я – нет... Другой ротный меня убил бы, или посадил.

Техника в полку была старая, на грани фантастики, вся сыпалась, ремонта всегда много было. У механиков водителей двигатель БМП-2 заводился с воздуха или с толкача процентов может на 75—80! Аккумуляторы были с окислением клемм и осыпавшимися пластинами. Стояли они только для схемы! Генератор вырабатывал подзарядку, чтобы его не спалить.

Выдали мне новый сварочный аппарат. Перед отправкой немного постреляли на стрельбище. Мне выдали АК-74 с кривым стволом. На расстоянии 180—200 метров пуля уходила под углом 45 градусов вверх и вправо на метр и чтобы попасть, приходилось прицеливаться так же под 45 градусов только вниз и влево! Магазинов на тридцать патронов положено иметь четыре, но они были в дефиците. У тех, кто понаглей, у того были магазины и на сорок пять патронов и подствольный гранатомет, и бинокль, ночник, очки.

«С вечера до утра – водка...»

Станислав Розанов, механик-водитель, рядовой:

– Я призвался 29 июня 1994 года, учебку закончил по специальности «механик-водитель танков с ракетно-пушечным вооружением Т-80». Потом был Новый год, потом долго летели самолетом. В Мулино нас распределяли по службам. Я и один парень из моей части, ехали с ним вместе, остались не удел. Слышим – на сцене клуба ругань. Вроде бы офицер с Красной речки, солдат сопровождавший, своих отдавать не хочет. Ему местный офицер говорит: «Вон с солдатами договоришься, заберешь своих». Он нас спросил: «Пойдете?» – «Пойдем». Так я попал в 245-й гвардейский. В клубе, когда назначали на должность, офицер мне сказал: «Будешь механиком-водителем мэтээлбэ!». Подразделение – САДН полка.

Казарма – ангарного типа. Весь дивизион в одной комнате, правда, большой. Потом получение техники, денег дали за два месяца. Полигон, боевое слаживание с утра до вечера, а с вечера до утра – водка.

Помню, какой-то генерал приехал, всех нас построили. Дневальный – пьяный, генерал посмотрел на него и говорит: «Отправить спать», а нам речь произнес.

«Про Чечню – ни слова!»

Евгений Пещерин, механик-водитель САУ 2-й батареи самоходно-артиллерийского дивизиона, младший сержант:

– Перед тем, как попасть в Чечню, семь месяцев служил в Завитинской учебке механиком-водителем, там же получил звание младшего сержанта. В учебке мы САУ не водили, опыт вождения получали на танках Т-55, Т-62, и экзамены сдавали на них же.

В декабре 1994-го года всю нашу дивизию отправляют в Хабаровск, там говорят, что повезут в Московский военный округ, дослуживать. Про Чечню – ни слова! В Хабаровске встречаем Новый год. Потом – на самолеты, и через несколько часов мы в Нижегородской области. В Чечню отправили и тех ребят, которые выпустились из учебки перед нами. Нас собирали по всей России...

Привезли в Мулино, там получаем технику, которую вывели из Германии. Привозят нас в парк, подводят к машинам, они все под чехлами. Снимаю со своей чехол, а у нее номер – 113. Ну, думаю, далеко не уеду... Машина запустилась с первого раза. ЗИП тоже был в порядке, видно было, что техника стояла на хранении.

И в Чечне проблем с ней не было. Я увольнялся – она еще работала!

«Так и не сказали правды...»

Алексей Копылов, сержант:

– В армию меня призвали осенью 1994 года, сразу после окончания Благовещенского сельхозтехникума. В армию я планировал пойти еще в школе. Такое уж воспитание было в семье, да и на протяжении всей учебы у нашего поколения воспитывали патриотическое чувство долга. А не отслуживших ребят просто все считали неполноценными, что ли.

После распределителя в Белогорске отправили в Завитинский учебный центр. Едва отслужил первый месяц, как, впрочем, и многих других «салажат», меня произвели в сержанты и перевели в Биробиджан.

Через два месяца службы в Биробиджане нас построили на плацу и объявили, что через несколько дней в Хабаровске начинается окружной строевой смотр, и что, мол, самые достойные поедут туда защищать честь части. Всем отменили увольнения, и мы стали ждать оглашения списка «достойных» солдат.

В один из понедельников в начале декабря нас в очередной раз построили и зачитали фамилии. Оказалось, что «достойных» из нас аж 70 процентов, хотя в подразделении остро ощущалась нехватка личного состава. Прибыли в Хабаровск, получили новое обмундирование, оружие, и после разговора с психологом всем стало ясно, что здесь, на Красной речке, комплектуют подразделение для боевых действий на Северном Кавказе. Еще через неделю, так и не сказав правды, нам объявили, что сборы выдвигаются на стрельбы, посадили в самолет и отправили в Нижегородскую область. Выяснилось, что здесь, в поселке Мулино, разворачивается знаменитый 245-й гвардейский мотострелковый полк.

«Учиться на хлебопёков...»

Андрей Д., по штатному расписанию – снайпер:

– У нас, когда отправляли из Хабаровска, уже начался дурдом. Подполковник Николаев тогда был командиром полка на «Млечнике». Нам направление показали, куда идти, и мы пошли, как стадо тупое. Какой-то полковник навстречу шел, спросил, кто такие, мы объяснили. Он тогда крик поднял: «Что за подполковник там такой дебильный!», и нас сам до полосы довёл. Я уже не помню точных дат, но после Нового года нас загрузили в транспортные самолёты, сколько влезло, и мы полетели.

Прибыли в Мулино Нижегородской области, в состав 245-го гвардейского мотострелкового полка, нас завели в казарму, показали расположение спальных мест, где нам предстояло ночевать. В казарме уже были солдаты, мы думали, что это местные, но оказалось, что дисбатчики, из Мулинского дисциплинарного батальона. Начали знакомиться, сначала они попытались на нас накатить, но, получив достойный отпор, решили, что с нами лучше дружить. Со мной парень был, звали его Марат, я никак не могу вспомнить фамилию, он учился в военном училище на офицера, но за нарушения дисциплины его отчислили, и он пошел служить срочную, но уже младшим сержантом.

Через несколько дней нас вызвали отцы-командиры и сообщили, что так как мы проходили профессиональную подготовку, нас направляют на хлебопекарню, учиться на хлебопёков. Для нас это был шок, но приказы не обсуждаются, и в тот же день я и еще восемь пацанов прибыли в Мулинскую военную хлебопекарню, где повышали свои боевые способности, выпекая хлеб для солдат и слушая какого-то прапора об опарном и безопарном тесте. Были там с нами и пулеметчики, и гранатометчики. Это перед отправкой в места боевых действий! Вместо того, чтобы прогнать меня в течение двух недель на полигоне, они меня хлеб печь отправили... Сказали, что я уже готов. Нужно было обучать солдат в мирное время военному делу, а не лопатой махать на офицерских дачах, да в кочегарках. Не дело перед боями из снайперов, пулеметчиков и сержантов хлебопёков делать.

Через пару недель нас забрали в часть и меня с Маратом определили в первую мотострелковую роту. Командиром роты был старший лейтенант Жуков. По штату я был снайпером, но у нас примерно через три месяца винтовки забрали и выдали автоматы. Меня назначили командиром отделения.

«Морально были готовы...»

Андрей Цовбун, разведывательная рота, рядовой:

– До того, как попасть в 245-й полк, я служил в городе Уссурийске Приморского края в засекреченной части 5-й армии. Когда пришла разнарядка в формируемый сводный полк, выбор пал на меня. В декабре я прибыл в разведывательную роту в город Хабаровск, где познакомился со своими будущими боевыми товарищами. Тут мы получили некоторую стрелковую подготовку. В основном по разнарядкам в формируемый полк начальство вписывало неугодных солдат. Так, допустим, я попал за то, что всегда имел свое мнение. Ведь не секрет, что в 1993 году и позже некоторые офицеры использовали солдат как дешевую рабочую силу. Меня лично не устраивало, что некоторые зарабатывают на нас, бойцах, и в тоже время ни во что не ставят. Понятно, что в то время жизнь была не сладкая, но если делать все по-человечески, тогда претензий со стороны бойцов и не будет. Ведь солдат – ребенок, дай ему в мирное время сытную, понятную жизнь и он будет счастлив до дембеля. Боевая учеба – отдельный разговор. Пока я служил в Уссурийске, то командир части пусть в теории, но давал некоторые знания, старался хоть как-то поддержать статус элитной части. Но, к моему большому сожалению, мы находились слишком близко к штабу армии.

В Хабаровске нам говорили, что едем в Подмоскowie, для подготовки к какому-то параду или к каким-то большим учениям. Пару раз вывозили на стрельбище.

После Нового года на военно-транспортных самолетах нас переправили в Мулино. Хотя офицеры и говорили, что нас готовят к учениям, все равно все мы знали – идем в Чечню. Так что морально к Чечне были уже готовы, но к тому, что доведется там увидеть – нет. О чем мы думали? Да о том, что придем в Чечню и всё, всех победим. Что мы крутые «перцы» и нам все по плечу.

Большинство бойцов вообще не имело представления о правилах стрельбы, не говоря уже о тактике боя. В разведку собрали всех, кто имел хоть какую-то подготовку. Младший офицерский состав тоже не был подготовлен так, как это требовалось на войне. Все учились на своих ошибках, многие заплатили за эту учебу кровью. Полк успешно действовал во многом благодаря командиру полка, который непрестанно учил молодых командиров, и подобрал в свой штаб грамотных офицеров. Так же вовремя затыкая «дыры» разведротой – ведь ею командовал ас разведки Зябин.

«Чувства страха не замечал...»

Владимир Пономарев, старшина 4-й мотострелковой роты, старший прапорщик:

– Дальневосточники – народ был своеобразный... С первого дня стал замечать, что пацаны ходят обкуренные. Разговорился с одним, оказалось, что некоторые в полк с «травкой» приехали. Только приехали в Чечню, смотрю – уже бегают по полю, что-то ищут, хотя снег кругом. Что-то заваривали, мне предлагали попробовать, я отказался: «Нет, ребята, спасибо, никогда не курил эту «травку». Но нагрузки они переносили нормально, были приспособленные к жизни, не как москвичи. Сразу все как-то находили – смотришь, уже то козу ведут, то барана. Эти ребята не пропали бы нигде. Чувства страха я у них не замечал, они безрассудные были, ничего не боялись.

Два человека в плен попали, вернулись через полгода. Один из них приезжал в полк, рассчитываться. Поговорил с ним, как там, в плену – «Ничего, все нормально, дрова рубили, что-то копали». Потом под шумок эти ребята умудрились из плена уйти. Один парнишка, гранатометчик, все рвался воевать еще в Мулино и на боевом слаживании попал под струю выстрела. Остался в санчасти Мулино, а потом вернулся в полк. Интересно ему было повоевать. В Грозном его убило. Засекли его, и из гранатомета – выстрел, он под стенкой кирпичной сидел, и посекло.

Сначала командиром нашей роты был Александр Азамов. Справлялся, как ротный, вполне. Через три месяца он уехал и в полк больше не вернулся. У него было трое детей. Вскоре после первой кампании он умер от инфаркта. Командиром роты потом стал капитан Дрозд. Замполитом нашей роты был капитан Александр Бершадский, родом из Курской области.

Андрей Цовбун:

– Конечно, попадались среди нас и наркоманы. А насчет того, были ли среди нас бандиты – просто дальневосточники народ-то простой (или черное, или белое) ... Допустим, у нас в разведке собрались одни сорвиголовы, и гвардии старший лейтенант Зябин лишь одним своим авторитетом сплотил всю эту «банду» в самое боеспособное подразделение. В нашей роте все были настоящими парнями.

«Трезвые – люди как люди...»

Максим Зотов, ремонтная рота, сварщик, рядовой:

– Собрали в Чечню всех отбросов. Отморозками мы были для начальства, а так 99 процентов – отличные ребята! У нас страха не было, мы не трусы. А те из нашей части, которые остались в Хабаровске, они были шакалы в прямом смысле этого слова: разбегались и прятались, лишь бы остаться и не поехать в Чечню.

С первых дней крышу у всех подорвало. Нервы сдавали... Трезвые – люди как люди, а напьются...

Мы, как дети, играли в войнушку, не осознавая, что происходит. Кидали друг в друга запалы, избивали. Взвод шел на взвод с кулаками и палками. Мне стыдно говорить об этом, но это правда...

«Спали прямо в строю...»

«Гранит-60», механик-водитель БМП-2 6-й мотострелковой роты, сержант:

– По прибытии в Мулино сначала сидели в клубе, потом нас стали распределять по подразделениям. Смутно помню весь этот процесс... Я был зачислен на должность механика-водителя БМП. Дальше дни были большей частью, как в тумане... Рано утром – подъем. Мы, механики и наводчики, даже на развод не ходили, сразу садились в машины и ехали в парк снимать технику с консервации, получать ЗИПы. Командир роты Петр Шашкин курировал именно нас и с нами в парке целыми днями пропадал допоздна.

Вначале мне определили такую БМП, что когда я поднял ребристый лист, то слегка обомлел... Вид у нее был неважный. Если честно, то на тот момент думал, что только в богом забытой Завитинской учебке сохранилась такая рухлядь. Но делать нечего, начал помаленьку вычерпывать из нее все г... и, где и что можно было подтянуть или заткнуть – подтягивал и затыкал.

Вскоре нам заменили БМП-1 на БМП-2. Ее техническое состояние в корне отличалось от предыдущей. Машина досталась в очень хорошем состоянии. По моей части нигде ничего не бежит, не стучит, не болтается. Видно, хозяин ее до меня был толковый. Хотя один косячок был: не заводилась от аккумулятора. Ну, никак не хотела. То ли аккумулятор был такой, то ли стартер. Но зато воздухом заводилась с полтычка, и воздух в системе держала, как надо. Баллоном пользовался только в экстренных случаях, всегда держал его закрытым, и если воздуха в системе не хватало на запуск, открывал баллон, и у меня еще была пара попыток на запуск.

Тогда же в парке познакомился с моим наводчиком Емелей. Парень был толковый, только тяжелый на подъем. С пехотой мы практически не общались, приходили в роту поздно, уходили рано. На перекличке перед отбоем даже стоять было тяжело, валились с ног, спали прямо в строю.

Офицеров, кроме командира роты, в Мулино никого не запомнил. Было ощущение, что их действительно нет, хотя нас периодически строили. То один придет поорет, то другой, как-то так. Состояние было полукоматозное...

«Не было её вообще, этой дисциплины...»

Павел Лещёв, наводчик-оператор БМП-2 1-го взвода 1-й роты 1-го батальона, рядовой:

– Я один из тех «отмороженных», как охарактеризовали нас офицеры полка, и в этом они правы. «Понесло» нас тогда, закусили удила... До сборов в Чечню служил в селе Бабстово под Хабаровском, шесть месяцев. В декабре 94-го поползли слухи, что будут отправлять в Чечню, и конечно, в поле зрения командиров попадали уголовники, балбесы и неугодные. И вот в один прекрасный день нам объявили фамилии, загнали в клуб, раздели до трусов, выдали новое обмундирование, и объявили, что в Хабаровске формируется элитно-уставная часть. Посадили в поезд, мы перекрестились и – вперед.

По штату в Бабстово я числился наводчиком-оператором ПК (пулемет Калашникова – авт.), в Хабаровске в считанные дни я стал наводчиком-оператором БМП-2. Соответственно, уровень подготовки – нулевой. Все познавал методом тыка, так как и спросить-то не у кого было. Состояние техники и оружия я бы оценил как хорошее, во всяком случае, моя «десятка» отбегала одиннадцать месяцев, пока не сгорела, как мне отписались пацаны, вместе с моим механиком-водителем Андреем Поповым. Правда, с башней БМП были проблемы, но я это списываю на свою некомпетентность. Стволы оказались пристрелянные, в общем, в этом плане было нормально.

Насчет дисциплины перед отправкой в Чечню... Да не было её вообще, этой дисциплины. И откуда ей было взяться? Обстановка была, мягко говоря, нервная. Офицеры, я больше чем уверен, сами мало что понимали, а солдаты, зная, что им нагло врут и, видя в завтрашнем дне одну большую чёрную дыру, просто дурели. Так что преувеличений в словах офицеров нет: с дисциплиной был полный беспредел.

От перемены климата в Мулино все мы очень сильно болели. Ночью встанешь, а казарма аж гудит от кашля.

Командир нашей роты старший лейтенант Жуков и взводный, лейтенант, к сожалению, фамилию уже не помню, звали его Гера – это были не случайные люди в армии. Это те, кто служит или служили по призванию, а не использовали армию в каких-то личных целях. Надо сказать, что у меня с ними были разные взгляды на происходящие, но слова ротного Жукова я запомнил на всю жизнь. Уже в эшелоне на подходе к Чечне он при очередной воспитательной беседе сказал мне: «Лещёв, ты не такой плохой солдат, как пытаешься казаться, и когда ты вернёшься домой, и у тебя будет вся грудь в орденах, ты будешь гордиться, что участвовал во всём этом».

Настрой у нас был далеко не оптимистичный. Еще в Мулино поползли слухи, что якобы кто-то из управления полка надыбал заготовки похоронок с открытой датой. Были, конечно, что греха таить, мысли слинять, как некоторые делали, но желание проверить себя пересилило.

Александр Коннов, заместитель командира полка, подполковник:

– А мне солдаты показались тогда угрюмыми и молчаливыми – все с дороги. Никто лишних вопросов не задавал. Бойцы были послушными, спокойными, нормальные ребята. Все хотели спать – восемь часов полета! Это первое впечатление было: приехала банда с вещмешками, солдаты ходят, как ханурики. Построили их на плацу, разбили по ротам, по батальонам, разогнали по казармам...

«К каждому нужен свой подход...»

Николай Звягин, заместитель командира 2-го мотострелкового батальона, капитан:

– Солдаты-дальневосточники – не могу сказать, что это была какая-то банда и наркоманы, но неприятных моментов с ними было много. Контингент был сложный... Да, это был сброд из разных частей, нервов с ними пришлось потратить... Но это были не совсем отморозки. В восемнадцать лет они выполняли боевые задачи героически, а не просто так. Отморозок – это лучший солдат, только его надо направить в нормальное русло. Многое зависит от командира. К каждому солдату нужен свой подход. Был из дальневосточников один шебутной мальчишка, сержант, где-то в Мулино нашел водки, я прихожу в роту – солдаты пьяные. Я их построил, выругал. Если завоеешь авторитет у солдат, если они увидят, что ты, офицер, их учишь делу и беспокоишься о них, они за тебя голову отдадут.

Уровень боевой подготовки солдат был разный. Те, кто отслужил полтора года – были подготовленные. У механиков-водителей не было опыта вождения, так как с развалом Союза в войска не давали соляры. Мы их учили днем и ночью, и в 30-градусные морозы, технику даже не глушили. Техники рот прапорщики Папка и особенно Червов, были «зубры» в своем деле, БМП знали досконально.

С начштаба батальона Синяковичем занимались на полигоне с бойцами, тренировались, как вести бой в городе, захватывать здания. Александр Синякович с Афгана пришел, сначала сам все показывал, бойцы это видели и понимали, что у офицеров есть опыт боевых действий. Тогда эти «детки» начали к нам тянуться, мы для них были как старшие братья.

Я принимал личный состав в пятую роту, потом пришел ротным Дима Дында. Одного командира взвода по фамилии Земляк привез с собой из Воронежа подполковник Коннов, был один мальчишка-лейтенант из Бакинского военного училища, потом из Таманской дивизии приехал один взводный.

«С этими ребятами всех победим...»

Сергей Гришин, замполит полка, майор:

– Около половины прибывшего личного состава участвовали в полковых тактических учениях, служили в развернутой части. Остальные – из кадрованных подразделений. Истопники, каптерщики, кочегары, сторожа. В военном билете у него написано, что он водитель БМП, а он ни разу и БМП не видел. Написано: «оператор-наводчик БМП» – то же самое. На практике же – о своей военной специальности не имели представления. И таких была большая часть.

Если сравнивать призывной контингент из европейской части страны и дальневосточников, то дальневосточники – люди более жесткие, резкие в отношениях. Покруче, как говорит молодежь. Физически сильнее, закаленные. Не маменькины сынки. Прилетел очередной борт, в клуб заводят личный состав. Стоим с Морозовым, смотрим – рослые, крепкие ребята, в новых бушлатах, бронежилетах. Чувствовалось, что с этими ребятами мы всех победим. Никакого страха в глазах! Стоят настоящие русские богатыри. Когда они узнали, что поедем в Чечню, особого страха это не вызывало. Вряд ли они тогда осознавали, что осталось всего несколько дней мирной жизни, скоро ехать на войну. Личный состав все эти дни был предельно занят, у солдат не оставалось времени на глупости. Времени просто не было вообще. Но в то же время находились такие, что под любым соусом, даже если им оставалось на сон два-три часа, бегали через забор за водкой. Пошли какие-то разборки... Вникать в них у нас не было времени, надо было это просто гасить. Приходилось принимать соответствующие меры для наведения порядка в подразделениях.

Пока шла притирка – офицеры друг друга не знают, солдаты – тоже. Это была каша... Все нарушения дисциплины пресекали каленым железом, чтобы не дать этому развиваться. Если кто-то попадался, наказывали его так, чтобы другим неповадно было. В период формирования от солдат, замеченных в чрезмерном пьянстве, неуставных отношениях – избавлялись сразу же. Позиция генерала Сметаны, который сопровождал к нам личный состав, была такая: «Мы привезли вам отличных солдат, а вы из них сделали уродов, и хотите их нам назад вернуть! У нас все отличники! Это самые лучшие солдаты! У нас лучше нет! Это самые лучшие солдаты на Дальнем Востоке, а значит и в России!» Разговаривать с ним было тяжело: он никого слушать не хотел. Когда генерал и сам видел, что хулигана привез, а не солдата, все же это понимал.

«Лишь бы скорей отправить...»

Федор Сергеев:

– День и ночь, пока получали людей и оружие, никто из полка не уходил. Открыли все парки, заводили БМП в мороз – градусов 25. Мой круг обязанностей был далек от исполнения обязанностей по штатному расписанию: принимать солдат, размещать. Все офицеры в эти дни были на все руки. Кто был под рукой у командира полка, тот и выполнял приказы. Первая неделя формирования – это был ужас! Сначала солдат даже размещать негде было, в клубе в кресла посадили. И солдаты – практически все дембеля, одни отморозки. Основная масса солдат сразу поняли, что поедут в Чечню. Человек двести сразу же придумали себе болезни и слиняли в санчасть, в госпиталь...

Офицеры и прапорщики стали приезжать в последний момент до отправки. Гоняли солдат день и ночь, хоть чему бы научить. Ротных назначили, а взводных нет, в этом была еще беда. Солдат много, а командовать ими некому – взводных не хватает. Командование торопило: лишь бы скорей отправить, всеми правдами и неправдами.

«За всем не уследишь...»

Анатолий Кушнарев, психолог полка, майор:

– Привезли солдат с Дальнего Востока – и такая у них была дедовщина! Одного из таких отморожков солдаты сами же кончили в Чечне, за издевательства. Я его еще предупреждал, чтобы вел себя нормально, а то нарвешься на пулю.

Круг моих обязанностей был – следить за психологическим состоянием личного состава. Но это в книжках все хорошо пишется. За всем не уследишь. Начинаем беседы с этими отморожками. Мы хотели отправить их обратно на Дальний Восток, но генерал, который их привез, не хотел их забирать. Тогда – кого на губу, кого куда, вроде притихли. В те дни больше занимались подготовкой к отправке, чем изучением психологического состояния личного состава, чего душой кривить...

Как-то чувствовалось, что командир полка Морозов хотел оттянуть отъезд, чтобы провести боевое слаживание в полном объеме – не удалось...

«Вы не доедете до войны!»

Олег Шатохин:

– Уже на второй день стал замечать, что некоторые солдаты с синяками ходят. Кто? Где? Когда? Все вроде бы на глазах целый день. Один из солдат раскололся и рассказал, что бьет их бабстовская мафия. Есть такой городок на Дальнем Востоке – Бабстов, из него в батальоне человек 12—15, все – бандиты конченные. Верховодил у них некто Иванов – сволочь отмороженная. Эти бабстовские сразу просекли, что мы их в лицо никого не знаем, фамилий тоже не запомним. Утром на разводе они – чик и в санчасть, якобы больные, там отираются, потом в казарму пробираются и весь день спят. Вечером другие солдаты приходят с занятий никакие, из сугробов, и эти бабстовские начинают у них деньги отбирать, бить. В общем, не дедовщина, а похуже даже.

Комбат майор Васильев часов в десять вечера, перед отбоем, построил батальон, человек он был мягкий: «Мужики, мы же едем воевать... тран-тан-дан», а они стоят с наглыми рожами, и говорят ему из строя: «Что ты пи... шь» Я одному такому наглецу: «А что ты так улыбаешься? На!» – Он: «А что руками-то?» – «Я могу и ногами!», и начал их бить. Васильев мне: «Олег, ты не убей, смотри!», – «Все равно убьют, так лучше я их здесь!» Они – хоп, сразу поняли, что замкомбата с ними нянчиться не будет. «Вы, рожи, – говорю им, – не доедете до войны, здесь поубиваю! Лично завтра на разводе проверю: если хоть одной обезьяны не будет в строю и в поле – в лесу закопаю, по одному. Уедем – кто вас будет считать здесь кроме меня, а по весне оттаете. Разойдись! Отбой!». Иду, слышу – мне в спину говорит кто-то: «Замочим тебя еще до Чечни!» – «Посмотрим – кто кого!»

Непросто складывались взаимоотношения между солдатами и офицерами... У каждого из них была своя правда, пусть и спорная...

«Боевого братства быть просто не могло...»

Андрей Д., по штатному расписанию – снайпер, командир отделения:

– Просто бесит, как офицеры о солдатах отзываются, да и не слишком-то они геройствовали в экстремальных ситуациях. Весь героизм выпирал, когда они с чеченами из оппозиции водку жрали, а потом у них на глазах солдат дубасили. И о том, как их солдаты по ним же стреляли, тоже молчат.

Есть лишь несколько офицеров, которых я могу считать офицерами, Морозов и Жуков в первую очередь. Были и обычные беспредельщики, и трусы. И бороды они отпускали там не потому, что им бриться нечем было, а чтобы снайпер, не дай бог, не узнал в них офицера Российской армии, и все знаки различия с себя снимали. Я не говорю о том, что все такими были, но основная масса.

Да, были среди солдат преступные элементы, но в основном это были дальневосточные пацаны, которые выросли в таких условиях, что научились не бояться и драться за себя и свою жизнь. И не надо сейчас нас смешивать с грязью. Это офицеры должны были найти общий язык с 18-летними пацанами, а не пытаться показать нам, какие они крутые командиры. Я лично разговаривал с молодежью в Чечне, так они откровенно смеялись над нашими отношениями с офицерами. Каждая собака там знала, как офицеры относятся к солдатам. Полк героический, не спорю, но отнюдь не благодаря этим, так называемым героям, а скорее тем офицерам, что были там до них и, естественно, солдатам. Немаловажную роль играет в общей сплоченности внутренняя жизнь подразделения. Если было взаимоуважение и понимание в разведроте, этого никто не отрицает, и когда я туда попал, то сразу увидел и почувствовал разницу в отношениях между солдатами и офицерами.

А некоторым офицерам, может быть, и вспоминать особо нечего? Кроме пьяных оргий. Все бороды отпустили, с чеченами обнимались, как с родными. У ротного были в палатке два солдата, он их истопниками сделал, так одному богу известно, когда они отдыхали. Днем они занимались заготовкой дров, приготовлением пищи для господ офицеров и всякой другой бытовухой, а ночью им нужно было топить для них печь. Сам не раз видел у них фонари на рожах. Чуть температура упала, не дай бог уснул – снизу сапогом по лицу. И били их, кому только не лень было. Пацаны, бедные, на грани жили. Некоторые офицеры сами водку жрут чуть ли не каждый день, а стоило солдату чуть с запахом спалиться, и все круги ада обеспечены. И били, и током пытали, а какими словами обзывали – говорить не хочется.

Пацаны на постах стояли порой без сна по двое суток, а когда засыпали на посту, следовало избиение. Я не говорю, что меня лично это коснулось, но я это все видел, и по крайней мере в яме за штык-нож, который даже не получал, я сидел. И свое 19-летие я встретил именно в этой яме. И это я рассказываю лишь малую часть того, что там творилось. Никакого боевого братства быть просто не могло, нам не на кого было равняться. Был ротным Жуков – была дисциплина, не стало Жукова – пришел новый, и началась анархия. Офицерам можно, почему нам нельзя? И пошли солдатики в разнос. Но в бою даже последний забитый солдат показывал себя с лучших сторон, а что много глупостей совершали, так не их это вина.

«Принял роту, но ее не было...»

Виталий Зябин, командир разведывательной роты, старший лейтенант:

– С пятого января, когда в полк привезли солдат, и до пятнадцатого, мы из машин не вылезали. Домой на два-три часа забежал, поцеловал жену и снова бегом в полк.

В декабре я принял должность командира роты, до этого был командиром взвода в третьей роте первого батальона. Принял роту, но ее не было. Пока не прислали с Дальнего Востока 55 человек, чтобы было по штату. Все они служили, кто в учебке, кто в разведывательных подразделениях. Заменили из них всего несколько человек. Только братьев Громовых прилетевшая за ними мама забрала, а больше никого. Приняли людей, день-два на получение оружия, и началось боевое слаживание роты. Процесс знакомства с людьми и боевое слаживание шли одновременно. Буквально перед выездом из разведбата командиром взвода пришел Игорь Булатов, из 47-й дивизии – старший лейтенант Павел Лапшов и техник.

Занятия с личным составом роты проводили начальник разведки 22-й армии и его офицеры, а также офицеры разведбата. Солдаты освоили БРМ-к, приборы спецразведки, радиостанции. И хорошо освоили, ребята натаскались так, что потом даже с помощью техники определяли, кто идет – человек, корова или бык.

«Специфики ведения разведки не знали...»

Вячеслав Стрепихеев, начальник разведки полка, майор:

– В разведку мы выбирали из пехоты самых лучших, и не ошиблись, наверное. Солдаты были физически крепкие. А вот о военной службе у них были только общие понятия – пострелять, побегать, попрыгать. Специфики ведения разведки не знали. Сразу же выяснилось, что уровень обучения механиков-водителей был очень слабый. Когда приехали в Чечню, то, особенно ночью, вместо механиков-водителей первое время ездили офицеры, но скоро и штатные водители натаскались.

Выдали всем оружие, может быть, кому-то досталось и с ржавчиной, не помню, но почистили. Я свое оружие, автомат и пистолет, хранил дома: не было места в оружейной комнате и пирамид для автоматов.

«Что-то умели, но не все...»

Вячеслав Петров, зам командира взвода разведроты, прапорщик:

– Служил в полку еще в Германии, остался на контрактную службу. Когда нам объявили, что полк разворачивается, командир разведроты старший лейтенант Виталий Зябин предложил мне должность замкомвзвода, я согласился.

Когда привезли в полк людей с Дальнего Востока, то в разведроту мы отбирали сами. Смотрели, кто что умеет, часть из них на боевом слаживании отсеяли, кто физически не подходил или по моральным качествам. До отправки узнать и изучить удалось только сержантов, и то – более-менее. Ребята к нам пришли в основном из разведывательно-десантных рот, со спецназа были, некоторые из пехоты. Что-то умели, но не все, что нужно.

«Пиджаков» у нас в роте не было...»

Владимир Левкович, командир взвода инженерно-саперной роты, лейтенант:

– Люди в нашу роту пришли разные, мало было времени на их изучение. Ни один командир нормального солдата в другую часть не отправит, всегда старается избавиться от балласта, а тут такая возможность – Чечня. Отбирать людей в роту у нас не было возможности. Готовились капитально, хотя времени не было – мороз, не мороз – на это никто внимания не обращал. Очень интенсивно занимались, с утра до вечера. Каждый взвод занимался на отдельной точке. Основы – поднатаскали сразу, но все же мало было времени на боевое слаживание.

Командиром нашей роты был капитан Николай Николаевич Тимко, боевой офицер, прошел Афганистан, Ленинанкан. Командиры взводов – Дмитрий Мерзляков, штатный, кадровый офицер, очень грамотный сапер, и Влад Паникар – головастый был парень. «Пиджаков» у нас в роте не было.

«Я мужик или кто?»

Богдан Баглий, командир хозяйственного взвода, старший прапорщик:

– Жена мне говорит: «Может, ты откажешься ехать?» – «Нет. Поеду. Хочу испытать себя, как мужик. Я мужик или кто?».

В полк я попал третьего января 95-го года, прикомандирован был из 278-й бригады. Когда в полк стали прибывать люди с Дальнего Востока, мне, как командиру хозяйственного взвода надо было из них выбрать тех, кто умеет готовить пищу. Надо было получить кухни, имущество, продукты... До самой погрузки в эшелон заканчивали в час-два часа ночи, а в шесть – подъем, и снова: получение имущества, техники, продуктов. Мой взвод был подготовлен нормально. Срывов никаких не было.

«Идёшь по казарме – один мат стоит...»

Александр Коннов, заместитель командира полка, подполковник:

– Офицеры – постоянно кто-то прибегает, кто-то убегает, запомнить не успеваешь – кто такой? Начали присылать офицерский состав. Жизнь пошла... Оружие привезли – валом, и в ящиках автоматы, и россыпью, как угодно. Начали вооружаться...

А вечером в казарме на двухъярусных кроватях – солдат на солдате, тесно. Идёшь по казарме – один мат стоит, никто нормально ничего не говорит. Я сам там одурел окончательно, потому что, что такое зам командира полка – это самому нужно быть, как собака. Я до утра ходил с мегафоном. Мрак, сумасшедшей дом...

«В какой люк прыгнуть...»

Олег Шатохин, капитан:

– Полтора суток мы только принимали людей. Разместили всю эту ораву сначала в клубе, рассчитанном на четыреста человек. Прислали с ними и сержантов из учебок. Командиры отделений, наводчики-операторы, все были с удостоверениями.

Я на второй день пошел заниматься с экипажами, распределил по машинам и дал команду занять штатные места. И вижу, как наводчик-оператор с командиром БМП бегают по броне и думают, в какой же люк ему прыгнуть – они никогда не сидели там! Даже люка на башне не знают, в какой из них кому прыгать! Где он вообще в БМП сидеть должен! Мне чуть хреново не стало... Ну, пехоту можно быстро научить, а этих-то как научишь?

«Самому запускать двигатель не приходилось...»

«Гранит-60», механик-водитель БМП-2 6-й мотострелковой роты, сержант:

– В парке с техникой было гораздо уютнее, чем в роте. Помню, первый раз заводил свою БМП... Знал, как это делается, только в теории, благо книгу об устройстве и обслуживании БМП всегда держал под рукой. Поскольку в учебке техника была такая, что заводилась еле-еле, и глохнуть на ней было крайне нежелательно, на танкодроме при вождении техника всегда стояла заведенной, и самому запускать двигатель не приходилось, инструктор лез сам и заводил, если что. Чужому это дело не доверял. Ну, так вот – пытаюсь запустить подогреватель – никак, все вроде делаю, как надо, а он не фурьчит, хорошо, что прапорщик, по-моему, Червов, подсказал подергать тумблер свечи туда-сюда. Подергал, свеча нагрелась, и подогреватель запустился. Видимо, окислились контакты от времени. После этого проблем с ним не возникало.

Пока я ковырялся по своей части, Емеля сидел в башне и тоже что-то ковырял, ставил пулемет и чего-то там ворчал. Периодически смотрю, как народ на соседних машинах суетится, пушки чистит, говорю ему: «Емеля, ты пушку-то разобрать можешь?», – «Могу, что ее разбирать-то?». И правда, парень оказался толковый. Пыхтел там что-то, стучал молотком, «пальцы» какие-то откуда-то вытаскивал, я ему, чем мог, помогал. Пушку разобрали, Емеля все запчасти аккуратно на броне разложил, и начал их протирать и смазывать. Ствол был полностью забит каким-то солидолом, почистили. Собрать пушку не успели, аккуратно накрыли брезентом и поехали в роту.

Наутро Емеля слег с температурой. Поехал без него, выделили мне временно другого наводчика, спрашиваю: «Пушку собрать сможешь?» – «Ага!», – отвечает. Собрал как-то не так, закачивать пружину начал – заклинило пушку. «Ну, все, – думаю, – пи... ц, повоюем». Наводчик этот потом куда-то смылся, больше его я не видел. Дальше я ковырялся в одиночестве.

В какой-то из дней приказали выгонять технику из парка. Завел машину, съехал со шпал, на которых стояла машина, и выехал из парка. Показали, куда поставить машину, поставил, заглушил двигатель. Остальные механики тоже начали свои БМП выкатывать, и тут произошел курьезный случай. Один из механиков служил у нас в учебке хлеборезом. Обучение на механика-водителя он тоже проходил, как все, т.е. «корки» имел. Тронулся с места, и въехал прямо в борт стоявшей в проезде БМП. То ли забыл, где тормоз, то ли перепугался. Может быть, и тормоз не работал, не знаю, но фальшборт машине он разворотил. Остальную технику наш ротный, по-моему, сам выгонял из парка. Потом принесли краску, зеленую и белую, и трафареты, я замазал старый бортовой номер и нашлепал на бортах и корме новый номер – «860».

Пока я занимался тюнингом своей БМП, подошли ко мне двое офицеров или прапорщиков, не помню точно, спросили: «Какие есть проблемы с машиной?». Ответил, что по моей части никаких особых проблем, а с башней полная ж...: пушку заклинило, наводчик болеет. Ребята запрыгнули на броню, разобрали пушку, ствол еле вытащили, собрали снова: «Все, теперь работает».

«Времени было катастрофически мало...»

Александр Коннов:

– В шесть утра подъем, и машина закручивается – опять стрельба, вождение. Из этих тысячи семисот оказались и матросы, и хлебопеки, и авиаторы. Никто ничего не умеет... Может быть, человек пятьдесят было механиков-водителей, наводчиков орудий столько же, а БМП-2 никто не знает. Надо было учить, хотя бы две недели. Времени было катастрофически мало. Но сделали, что могли.

В полку в эти дни работали офицеры дивизии, армии, все были разбиты на учебные группы. Присылаемые в полк из других частей округа офицеры убегают пачками, одних привозят – другие убегают, других привозят – эти убегают. Мои с Воронежа все держались: «Товарищ подполковник, мы уйдем только с вами!». – «Не позорьте, – говорю, – своих родителей, и себя не позорьте, все это когда-нибудь закончится. На роду написано, что убьют – значит, убьют, не написано – не убьют». Они все со мной так и пошли в Чечню. Хотя к лейтенанту Калашникову отец приезжал, он был у него полковник. Не ушел, поехал с нами. Потом орден Мужества получил, а так бы был дезертиром.

«Ребята, вам же в атаки не ходить!»

Игорь Бабанин, старший помощник начальника штаба полка по кадрам и строевой части, старший лейтенант:

– Написали рапорта, что не поедут в Чечню, командир зенитного дивизиона, командиры артиллерийских батарей и начальник вещевого склада полка. Я с ними беседовал: «Ребята, вам же в атаки не ходить!» – «Нет, всё... Жёны...» Когда дали ход рапорту командира зенитного дивизиона, оказалось, что он и не идет в Чечню, только батарея «Шилок». Он, седой, большой, всегда всё просчитывал, такой был положительный, его дивизион – лучшее подразделение полка, и такой прокол.

С нами в Чечню пошел прикомандированный к нам узел связи, для организации связи с «большой землей» (штабом армии, округа и другими органами центрального управления минобороны), хотя по штату он нам и не был положен. Они базировались также в Мулино. Его командование – старшие офицеры, не поехали, вместо себя направили старших лейтенантов, командиров взводов. Ребят командировали на должности сразу на три ступени выше. Толковые офицеры, с хорошими человеческими качествами. Прошли с нами всю компанию, ни разу не подвели. Потом, летом, на их замену стали приезжать те самые старшие офицеры, когда стало ясно, что не так страшен черт, как его малюют и можно, особо не напрягаясь, получить награды, звания и льготы.

Текучка офицеров в эти дни была колоссальная, да еще в сжатые сроки формирования. Офицеры убегали! Утром я привожу командиру батальона Цуркану командира взвода, он в обед ко мне приходит: «Лейтенанта этого нет, пропал». Вечером привожу другого – утром его уже нет. В бардаке 94-го года за это офицеров не наказывали. Из Германии в полк вообще не приехали восемь прапорщиков. Кто-то на Украине осел, кто-то перешел в другие части, и мы их задним числом увольняли. Сначала они в СОЧ (самовольно оставивших часть – **авт.**) числились, клеточки в штатке занимали.

Большая часть офицеров по штату на момент отправки полка в Чечню была. Полк офицерами укомплектован был на 90 процентов. Где-то взводных не хватало, но прапорщиками укомплектованы были на сто процентов. Прапорщик Эдик Андрюхин, он работал в отделении кадров нашей дивизии, просился, но я не мог оформить, не было должностей, потом один прапорщик заболел, и он пошел с нами на должности старшины минометной батареи второго батальона. Андрюхин был ранен, в госпиталь попал, жена к нему приезжала, общалась с ним, и вдруг нам через месяц после его ранения приходит сообщение, что он умер. Я был шокирован этим сообщением и винил в первую очередь себя, что не смог уговорить его работать у меня в строевой части. Не мог он бросить своих минометчиков, с которыми прошел трудности первых дней и где сложился настоящий воинский, мужской коллектив.

«Стрелял? Распишись три раза...»

Олег Шатохин:

– Скоро выясняю, что из личного состава, кто прибыл, очень многие из автомата вообще никогда не стреляли! А их прислали воевать! Приходит в полк указуха: чтобы каждый солдат отстрелял и расписался в трех ведомостях. Одна ушла в округ, вторая в армию, а третья у нас должна была остаться, чтобы никто не говорил, что наши солдаты это пушечное мясо. Чтобы никто не мог сказать, что наш солдат и автомата в руках не держал. О выполнении всех положенных упражнений по стрельбе речь вообще не шла!

Вызывают меня командир полка подполковник Морозов и его заместитель подполковник Коннов: «Тебе в течение завтрашнего дня нужно провести БСО (боевые стрельбы отделения – авт.), БСВ (боевые стрельбы взвода), РТУ (ротные тактические учения) и БТУ (батальонные тактические учения). БСО обычно готовят неделю. БСВ – больше, ротные учения – в течение трех-четырех суток проходят, а готовят их месяц. Все это даже в мирных условиях очень сложное дело – столько всего задействовано, одна постоянно меняющаяся мишенная обстановка чего стоит! Одних документов там столько требуется! – «Подождите, – говорю им, – А как это я...?» Зам начштаба полка майор Сирош говорит мне: «Олег, все документы мы за тебя отработаем, ты не переживай, штаб их уже готовит, твоя задача – выведи людей в поле!»

Утром я эту толпу – 462 человека – выгоняю в поле, в снег по пояс, – «Противник справа! Противник слева!», и начинаем стрелять в сторону. Учил сержантов управлять боем. То же самое было и с экипажами БМП. Кормили обедом всех прямо в поле. Котелки снегом вытирали. Да еще мороз тогда стоял минус 25 градусов каждый день. Не обошлось без ЧП: первый погибший у нас был при метании ручной гранаты. В той суматохе это ЧП, честно сказать, мы по-настоящему не осознали, хотя, конечно, жаль парня...

Александр Коннов, заместитель командира полка, подполковник:

– Это ЧП было при мне. Подошла рота, я бросил пять гранат, показал, как это делается. «Готовы?» – «Готовы!». Только пошел к гранатометчикам – сзади взрыв и вопли. Подбегаю – у парня обе ноги оторваны, я на него упал, ноги к себе прижал, чтобы остановить кровь. Фельдшер подбежал, перетянули ноги. Оказывается, он руку с гранатой поднял, а руки до такой степени замерзли, что гранату выронил под ноги и – взрыв.

Игорь Бабанин, старший помощник начальника штаба полка по кадрам и строевой части, старший лейтенант:

– Когда на учениях погиб солдат, я еще не имел опыта оформлять так называемую похоронку. В соответствии с приказом мы направляли извещение о гибели военнослужащего военному комиссару по месту призыва, а он уже обязан был известить родных погибшего. А тут еще приехали из военной прокуратуры: «Давай приказ о создании полка, о зачислении в штат Москвина».

Первым погибшим в полку был рядовой **Олег Москвин**. Короткая оказалась биография и жизнь у парня... Родился 21 октября 1974 года в Хабаровске. Учился в средней школе №77, затем поступил в Иркутский сельскохозяйственный институт на охотоведческий факультет. По воспоминаниям родных, симпатичный, высокий, с голубыми, как небо, глазами, Олег с детства ходил с отцом по тайге. Мечтал как можно глубже постичь ее красоту и тайны, стать биологом-охотоведом, как отец. Увы, жизненные обстоятельства вынудили его через два года прервать обучение в институте.

Повестка в армию, курс молодого бойца в одной из дальневосточных частей. В начале января 1995 года вместе с большой группой воинов-дальневосточников самолетом был отправлен в нижегородский гарнизон Мулино. А 10 января в семью Москвиных пришла телеграмма, что их сын трагически погиб на учениях от случайного взрыва гранаты, на которую он лег, чтобы никто не пострадал от взрыва.

Доставка родным печального «груза 200» оказалась сопряжена с возмутительной волокитой. Гроб с телом погибшего солдата почему-то «осел» в Улан-Удэ. Потребовалось вмешательство председателя Хабаровской краевой думы В. Озерова, чтобы родители могли похоронить своего сына.

Нельзя сказать, что, перефразируя слова известной песни, полк не заметил потери бойца, но надо было жить дальше, готовиться ехать на войну...

«Не спали по несколько дней...»

Олег Шатохин:

– Живем мы в эти дни перед отправкой в Чечню так: в семь часов утра развод, строим всех, увожу на занятия. А лейтенанты, командиры взводов – приезжают и уезжают, приезжают и уезжают, я их даже не замечал, фамилий даже не знал. Опять новые приехали – опять уехали. Задачи командиром полка ставятся в день и в ночь. Я пришел к вечеру с полевых занятий, солдаты все падают, а у нас – совещание и задачи на ночь. Получение оружия, того, сего, ночью исправляем недостатки. Иногда часа в четыре утра уйду поспать час-другой, и так все это время до отправки. У командования армии была одна задача: выполнить приказ, отправить полк. Работала на наш полк тогда вся 22-я армия. Командующий армией в полку ночевал, да и все генералы.

Многие офицеры вообще не спали по несколько дней. Когда ты будешь спать, есть – это вообще никого не волновало. Кто-то спал, сидя в каптерке. Зайдешь вечером в каптерку, стаканюгу примешь, поел немножко и все...

Александр Коннов:

– Поселили нас, переведенных в полк из Воронежа офицеров, в каком-то модуле. Холод – а крысы бегают! Есть нечего – на довольствие нас не поставили.

Я Мулино тех дней вспоминаю, как, наверное, выжившие пленные немцы – Сталинград. Офицеры на ночь хоть домой, в семьи уезжали, а нам куда ехать? В модуль приходим в час, полвторого. Сережа Берсенов, офицер мой из 10-й дивизии, командированный в полк, спит в валенках и в бушлате под одеялом. На столе полбутылки водки, хлеб и кусок сала. Я наливаю полстакана водки, выпиваю, съедаю сала с черным хлебом и ложусь спать. А в шесть утра – подъем, и опять: стрельбы, вождение...

«Броня крепка...»

Олег Аникин, командир роты 153-го гвардейского танкового полка, старший лейтенант:

– Каждый из полков нашей 47-й гвардейской танковой дивизии, поскольку полки были кадрированными, человек по 180 личного состава, должен был сформировать для 245-го по танковому взводу. Командир роты там остался штатный, из 245-го, капитан Романов, из нашего полка зампотехом туда направили капитана Юрия Смирнова.

Со второго января стали готовить роту – людей и технику – к отправке и к боевым действиям. Подружились с солдатами, коллектив был нормальный, воевать мог. В условиях развала армии, наплевательского отношения к ней государства за короткое время удалось сформировать коллектив, который не разбежался и воевал достойно. Считаю, что уже тогда полк имел свое лицо. Танки в роте, Т-80, были хорошие, возраст – менее десяти лет, не имели практики эксплуатации, укомплектованы всем необходимым, запчастями, полностью готовы к боевому применению. Офицеры нашего батальона лично проверяли готовность танков. На платформы их загружали мы, офицеры. Пожелал тем, кто поехал с полком, удачи, и эшелон пошел на Кавказ.

Александр Дрозд, командир взвода танковой роты, старший лейтенант:

– В ночь на Новый год я был в наряде на КПП 26-го танкового полка, где в то время служил. После праздничных выходных командир батальона говорит мне: «Готовься, пойдешь в 245-й полк» – «Пойду».

После одиннадцатого декабря пошла молва, что в 245-й полк отправляют офицеров для доукомплектования, из всех полков дивизии. Сначала забирали по одному-два человека из полка, а потом, как говорится, «целыми пачками». К тому времени я отслужил в армии три года, начинал командиром танкового взвода в 7-м отдельном разведывательном батальоне, в Германии. Когда часть из Германии вывели, мою должность сократили, я еще сам ходил по воинским частям Мулинского гарнизона, спрашивал, нет ли где должности командира танкового взвода. Так и попал в 26-й танковый полк командиром танкового взвода.

А в 245-м командиром танковой роты был Виталий Романов, мы с ним из одного военного училища. Командира взвода Эдика Богородова я знал по Германии. Третьим взводным был лейтенант Витя Щелоков, зампотехом роты – Юра Смирнов.

«Поднять технику, на колёса её поставить...»

Юрий Степаненко, майор:

– На меня в конце декабря пришел приказ о назначении комбатом в танковый полк. Я к Морозову подхожу: «Товарищ подполковник, как мне быть?» Мы с ним сибиряки, земляки. Говорит мне: «Юра, ты мне только помоги загрузить батальон. В Чечню ты не поедешь, не имею права тебя брать с собой». – «Конечно, помогу». Я был на неплохом счету. Дело знал, технику знал. Я со спокойной душой согласился, отдавал себя полностью работе.

Мы с Цурканом решили так. Говорю ему: «Юра, всех механиков-водителей я у тебя изымаю, буду заниматься с ними, готовить технику, а ты занимайся с пехотой». Надо было хотя бы проверить, кто на что из механиков-водителей способен. Но главное – поднять технику, на колеса ее поставить. Аккумуляторов у нас сначала вообще не было, получали их хрен знает откуда. Первый батальон был на БМП-2, наш – на БМП-1. Личный состав мне прислали, по документам, все специалисты на БМП-2. Начали технику готовить, заводить двигатели. Взвод обеспечения, летучки, кухни, «Уралы» – все изношено... Технике было лет по 20—30. Из штабов округа, армии, дивизии приехали нам помогать много офицеров, все сидят и советуют, а делать никто ничего не умеет. Как раз морозы ударили под 30 градусов. Короче – караул... Подполковник Александр Павлович Залуговский, зам командира полка по вооружению, обеспечивал технику и вооружение полка, на него и легла вся организация подготовки.

Вдруг приходит приказ: БМП-1 в Чечню не брать, поедem на БМП-2. А мы их уже подготавливали, все машины заведенные, все работают. В 752-м полку, в Сормове, комбатом был майор Сергей Сергеевич Юдин, хороший мужик. Как-то под ночь приходит его батальон к нам, в полном составе, сорок машин. Построили мы его в парке, он подходит ко мне: «Принимай!». У меня чуть глаза на лоб не вылезли. – «Как «принимай?» – «Вот так». Механиков своих он забрал, посадил на наши БМП-1 и угнал их в Сормово. Я его «бэхи» поставил к нам в парк. На следующий день приезжаю к Юдину: «Сергей Сергеевич, надо учить всех офицеров и солдат, как на этой БМП воевать. Пушку никто не знает, как стрелять – никто не знает. Если в ходовой части я еще разберусь, то башню я не знаю». Отличия между БМП-1 и БМП-2 были принципиальные.

Выделили ему комнату в казарме, и он с одним из своих ротных нас неделю учили всем премудростям боевого применения БМП-2. Сначала офицеров научил, а потом они начали учить личный состав. Стали разбираться, и в итоге: пушки не работают, стабилизаторы – половина переломана, башни на некоторых машинах не работают. В итоге загрузили БМП с неисправными пушками в эшелон, так и поехали в Чечню. Процентом тридцать техники батальона было не боеготово.

Какой там уровень подготовки механиков-водителей, если на ручном тормозе начинают трогаться! Потом, потихоньку, когда в Чечню приехали, научились.

«Хотя бы месяц погонять...»

Олег Шатохин, зам командира 1-го мотострелкового батальона, капитан:

– Начали заниматься боевой подготовкой. В ходе выдвижения на стрельбище проводили тактику, там же – инженерные занятия, стрельбы. Целый день гонял солдат по сугробам. Боеприпасов было много, настрелялись досыта. День переходит в ночь, утром боевые стрельбы взвода, после обеда – РТУ, и потом завершающий этап – БТУ. Военный человек знает, что для подготовки батальонных тактических учений надо шесть месяцев штат обучать, нам на подготовку отводился один день. На этом боевая подготовка закончилась. За два-три дня разобрались с инженерной подготовкой.

За один день в полку провели все положенные учения и объявили, что пятнадцатого января – погрузка в эшелоны. Я был уверен, что пятнадцатого января мы в первый эшелон не погрузимся. И ошибся. Погрузились. Пятнадцатого января разведрота с оперативной группой уже поехали в Чечню.

Семнадцатого января начали грузиться батальоны. А надо еще колодки заготавливать, для техники на платформы, тросы, чтобы ее крепить... Ночью пилили колодки, на крепление 39 БМП, плюс минбатарей, машины обеспечения. Больше ста единиц техники было в каждом батальоне. Плюс боеприпасы – просто огромное количество, и все надо таскать, погрузить. А мороз стоял...

После первого января от военных телефонисток узнали, что 31-го декабря в Грозном чеченцы разбили 131-ю Майкопскую бригаду. Поняли, что нам там будет все не маслом намазано. Я, как специалист, понимал, что нас всех там положат. С таким личным составом – что мы там навоюем... Были случаи, что солдаты отказывались ехать в Чечню, многие хотели слиться, но попробуй убеги – леса вокруг. Солдатам даже не говорили, где мы находимся. Правда, через три-четыре дня мамы все же появились у КПП, с плакатами, с Дальнего Востока добрались. И увезли несколько человек. А в Твери, шли слухи, полбригады ушло. Там вообще сорвали первую назначенную дату отправки – личный состав разбежался.

Реально тогда солдат у нас в полку, с кем можно было бы воевать, просто не было. Уровень подготовки сержантов – никакой. За несколько дней до отправки удалось подготовить всего несколько человек, у кого талант был. Таких ребят много появляется на войне, их можно выучить. На смертях можно быстро научить. Учились очень быстро. Через месяц в полку были и снайперы хорошие. У нас был один кореец – стрелял – белке в глаз, в пятак мог попасть с двухсот метров только так. Две недели практики и если не совсем дурак, то получается хороший солдат. Если бы нам этих дальневосточников хотя бы месяц погонять – все было бы иначе...

«Мне доучивать никого было не надо...»

Александр Дрозд, командир взвода танковой роты, старший лейтенант:

– Когда приехали солдаты-дальневосточники, то я еще удивился: давно не видел так хорошо укомплектованного войска – все в бронежилетах, с котелками. Сразу вспомнил фильмы о Великой Отечественной – как сибиряки и дальневосточники воевали под Москвой в сорок первом году. Внешне, по тем временам, это были нормальные бойцы. А вот по внутреннему содержанию... Едва ли не каждый второй был склонен к употреблению наркотиков – это же Приморский край... О профессиональных качествах солдат, которые прибыли в танковую роту, ничего плохого сказать не могу. Наводчики и механики-водители знали свое дело, мне доучивать никого было не надо. Нормально были подготовлены. У нас, в танковых войсках, всегда по жизни был порядок. Более-менее познакомиться с людьми удалось только там, в Чечне.

Начали заниматься приемкой техники. Танков было – навалом. Их пригоняли со всех танковых полков дивизии. Неисправные – убирали, новые – ставили в строй. Мне танк достался – с виду супер, но, как потом оказалось, система управления огнем, в частности управляемым снарядом, совсем не работает. В полку работали гражданские специалисты по танкам. Не помню, правда, откуда они приехали. В один из дней боевого слаживания, при приведении вооружения к нормальному бою, группа гражданских спецов проверяла машины нашей роты. Обследовав мою машину, один из спецов говорит мне: «Все нормально, стрелять будет, но система управления управляемым снарядом не работает. Будешь стрелять им, как обычным снарядом...» Надо было ремонтировать систему, но торопились. А когда в Чечню приехали, в первом бою под Пригородным стрельнул управляемым снарядом как обычным, и результат – ствол оторвало. Хорошо, что все остались живы, т.к. при проведении процедуры были соблюдены все требования безопасности. После этого случая меня подкалывали отдельные офицеры полка, но я не обращал на это внимания. В основном это были люди, которые в технике вообще не соображали, но язык на «сплетни» у них был подвешен. Я на них не обижался.

«Разобрал, почистил, смазал – заработало...»

«Гранит-60», механик-водитель БМП-2 6-й мотострелковой роты, сержант:

– Проехали через Мулино на полигон, проводить боевое слаживание. Наводчик мой к тому времени оклемался. Сходили вместе с ним на пункт боепитания, притащили ленту для пушки, снарядов двенадцать, по-моему, да для пулемета ленту. Емеля засел в башне, начал все это дело, куда положено вставлять, долго орудовал монтировкой, периодически трещал лентопротягом. Судя по тому, что через некоторое время мы стояли уже на исходной, у него все получилось.

Сначала при помощи ТХП (трубка холодной пристрелки – **авт.**) пристреляли пушку, потом пулемет. Я стоял на броне и в ТХП смотрел, а Емеля башней вертел, да что-то в прицеле подкручивал. Затем загрузили пехоту в десант. Получил команду «трогаться», проехал метров двадцать – «стоп!», пехота кормовые люки открыла и начала выгружаться. Я в своем люке сижу, в триплекс мало что видно, скучаю... Вдруг показалось, что кто-то в броню долбит, как кувалдой стучит, открыл люк – мало ли чего хотят, но высунуться, к счастью, не успел, потому как на меня гильзы от 30-миллиметровых снарядов посыпались. Так я первый раз услышал, как стреляет автоматическая пушка на БМП. После стрельбы снарядили полный БК (боекомплект – **авт.**).

С личным оружием дела обстояли гораздо хуже. В один из дней по приезду из парка обратил внимание на кучу стволов, попросту сваленных в оружейке. Со временем кучу разобрали, в пирамиды расставили. Как-то попросил командира показать мне мой автомат, а то едем на войну, а я даже не знаю, какое чудо мне досталось. Выдали АК-74, сказали: «Твой». Вид у него был не ахти. На цевье кто-то ножом какие-то зарубки сделал, от воронения на стволе остались одни воспоминания. Попытался передернуть затвор, оттянул на себя раму, она так и осталась в этом положении. Снял крышку ствольной коробки – внутри все в ржавчине. Делать нечего, разобрал, почистил, смазал, заработало, «а куда оно денется...». Автомат этот достался в итоге моему наводчику Емеле. Стрелял нормально, только иногда при автоматической стрельбе гильза застревала при эскракировании на выходе из ствольной коробки, и раму клинило. Мне уже в эшелоне выдали АКС-74 бесппроблемный, но, правда, не пристрелянный, пристрелял уже на месте.

В первые же дни формирования полку пришлось решать еще одну неожиданную проблему – улаживать взаимоотношения с родителями солдат...

«Как это мой сын придурок!»

Сергей Гришин, замполит полка, майор:

– Мы прекрасно понимали, что следом за солдатами в полк приедут и их матери. Первые такие «ласточки» прилетели следом за первым бортом. Еще второй борт не приземлился, а они уже стоят на КПП. Похоже, что быстрее своих сыновей прилетели. Надо было немедленно организовать работу, чтобы родители не растащили своих сыновей. Хорошо еще, что родителей было немного. Солдат – видно, что ведет себя неадекватно – на его счету уже и драки, пьянки в казарме. И прилетает его мать: «Отдайте мне его! Я не даю согласия, чтобы он ехал в Чечню» – «Пожалуйста! Мы вашего сына прекрасно знаем: психически неустойчивый, асоциальное поведение, нам такой солдат не нужен – забирайте!» – «Как это мой сын придурок!» – «Вы сюда приехали за сыном – вот и забирайте» – «Почему это? Все едут, а мой нет? Пусть едет!» Сначала ревет: «Отдайте мне мое дитячко!», ей отдают – уже не надо. Я этого солдата вызвал: «К тебе мать приехала, иди к ней на КПП». – «Я поеду с полком!». Построил солдат, говорю, что нам такие солдаты, как этот, не нужны. – «Кто еще хочет уехать?» Молчат. Все смотрят – придурка убрали. Желających уехать не было. Этот солдат ушел из полка с позором.

В работе с родителями мне огромную помощь оказал полковник Стоценко, заместитель командующего армией по воспитательной работе. Я для себя, как замполит полка, определил, что нужно организовать дополнительные силы для работы с родителями на КПП, надо их разместить, вести с ними разъяснительную работу. Чтобы общение солдат с родителями не превращались в пьянки и побег. Иду и думаю, что надо мне обратиться с этими вопросами к верхнему командованию, чтобы помогли, и встречаю полковника Стоценко. – «Ну что, как справляешься?» Я иду со своими мыслями, и тут он подходит ко мне, и говорит, что замполитов надо посадить на КПП, надо организовать то, надо организовать всё. О том, о чем я думал, он уже принял решение и этот процесс организовал...

«Не расстреливать же их...»

Игорь Бабанин, старший лейтенант:

– Приезжали матери, солдат забирать. Это отдельная песня... Не расстреливать же их... Мать забрала сына, он оставил оружие, вещи, и уехал. Больше сотни таких из полка потом дослуживали на Дальнем Востоке. Был случай, приехала мать, посмотрела, как ее сын служит, хороший парень: «Вижу, что мой сын в хороших руках, оставляю его вам...» А через три месяца он погиб. Неприятный был осадок на душе. Если бы она его забрала – остался бы парень живым, может быть.

И отцы приезжали. В инженерно-саперную роту приехал отец, подполковник запаса, и его оставили служить. Я его принял на гражданскую должность. Служил он два-три месяца, пока сын не уволился, они вместе уехали домой. Помню другой случай, когда солдат мог не ехать в Чечню, но поехал. Это мой водитель, немец. Ему пришел вызов в Германию, на постоянное место жительства, но остался с нами до конца, отслужил, сколько положено, и только потом уехал домой и оттуда в Германию.

Документы

Общее впечатление об уровне подготовки переброшенных в Чечню частей выражено в разделе III рапорта одного из высокопоставленных военных, который «работая совместно с генералами и офицерами ГШ и СКВО» просил «разрешения доложить свое мнение о подготовке руководства штабов, войск по организации и ведению боевых действий» (рапорт был напечатан в «Новой ежедневной газете» 28 января 1995 г., перепечатан в сборнике: Новичков, Снеговский, Соколов, Шварев. Российские вооруженные силы в чеченском конфликте: анализ, итоги, выводы... С. 31—36):

III. ПОДГОТОВКА ВОЙСК

1. Личный состав морально и физически слабо подготовлен к ведению боевых действий в сложных погодных условиях.

2. Войска не обучены совершению марша, ведению наступательного и оборонительного боя.

3. Слабые знания материальной части вооружения и техники личным составом не позволяли ее умело применять.

4. Слабые навыки в ведении боевых действий военнослужащими в одиночном порядке и в составе подразделения.

5. Слабые навыки личного состава в ведении огня из личного и группового оружия.

6. Механики-водители и водители имеют слабые навыки в управлении боевой техникой.

7. Наводчики-операторы БМП, наводчики танков не знают правил стрельбы и ведения огня по появляющимся и движущимся целям, неуверенно действуют при вооружении (имели место случаи, когда наводчики не стреляли из вооружения танка и БМП).

8. Военнослужащие не обучены оказанию первой медицинской помощи на поле боя, не умеют пользоваться противошоковыми препаратами.

9. Подразделения не обучены ведению сосредоточенного огня, переносу огня на новую цель.

...14. Военнослужащие не обучены способам передвижения на поле боя.

...17. Сержантский состав не обучен командованию на поле боя и не в состоянии заменить офицера в случае его гибели.

Указана и одна из причин подобного катастрофического состояния, связанная с процессом формирования частей:

19. Боевое слаживание подразделений не проводится в пунктах постоянной дислокации (ППД), а ведется, как правило, в районе чрезвычайного положения, где практически отсутствует материальная база боевого слаживания.

Глава 3-я: «Наступает минута прощания...»

Как там в песне «Прощание славянки»:

«...Уходят во мглу поезда,
А в них солдаты,
А в небе темном
Горит солдатская звезда...»

Никто из них не мог тогда знать своей судьбы. А если бы знали, что 221 из них вернутся домой в цинковых гробах, несколько сот – ранеными и искалеченными... Кто-то погибнет в бою, а кто-то и от пули своих же боевых товарищей, а то и просто по глупости, неосторожности. Кого-то ждал плен и издевательства врагов, мучительная, страшная смерть, а кого-то – издевательства своих же сослуживцев, и, как избавление – своя же пуля в голову. Кто-то ехал воевать, считая себя убежденным православным, и если бы ему знать, что скоро ему предложат стать мусульманином... Кто-то считал себя патриотом, а если бы ему сказали, что он еще предаст своих товарищей...

«Солдаты быстро обучались...»

Олег Шатохин, капитан:

– Все в первые дни войны держалось только на офицерах. Когда полк стоял в Германии, ротные были командирами по три-четыре года, они были взводными в Германии по четыре года, толковые и грамотные. Взводные вначале все были кадровые, «пиджаков» у нас тогда еще не было. Да и офицеров именно управлению в боевых условиях хорошо бы было поучить. Умели, но в мирной обстановке, а это другое дело. Основная часть офицеров, процентов девяносто, показали себя очень хорошо, доказали, что наша школа обучения офицеров полностью себя оправдала. Некоторые наши генералы в Чечне сначала думали: «Вот пришел германский полк, привыкли сосиски с пивом жрать, ничего не умеют», но все оказалось не так.

Подполковник Морозов как командир полка был на своем месте. Сначала, в первые дни перед отправкой в Чечню, он немного растерялся, потому что мы сами не понимали, как сможем с абсолютно необученным личным составом, с непонятными задачами что-то сделать. Он же за все отвечал, за все эти жизни. Весь тот бардак, созданный политиками, надо было расхлебывать таким, как подполковник Морозов. Он никогда не психовал, у него не было истерических ноток. Ему в эти дни, я думаю, приходилось тяжелее всех. Не каждому, кто дорос до командира полка, удастся дойти и до своего боевого предназначения: сформировать полк с нуля до штата военного времени, снять всю технику с хранения, принять мобилизационный ресурс, загрузить полк на платформы, привезти его в зону боевых действий и начать воевать. Это не просто. Такое единицам командиров полков в жизни удастся.

План боя офицеры с ним обсуждали. Он внимательно выслушивал советы. Всегда четко оценивал команды, что сверху приходили, и стремился максимально смягчить ошибки командования и выполнить задачу, потому что понимал – иначе зря потеряем людей.

И солдаты у нас быстро обучались. Русский человек вообще непобедим. Русский солдат – это такой человек, что если его еще и кормить вовремя, он точно рейхстаг возьмет! В госпитале после ранения я видел немецкую передачу про штурм Грозного. Немцы снимали и озвучивали по-немецки, но если прислушаться внимательно, то можно понять, что наши говорят. Идет немецкий перевод: «Вот командир роты, в данный момент ставит задачу своим солдатам на взятие следующего дома», а прислушиваюсь – по губам чувствую, да и слышу – русский мат! – «Если вы у меня к вечеру этот дом не возьмете, х... вы у меня жрать будете!».

«Куча генералов, все орут...»

Николай Тимко, командир инженерно-саперной роты, капитан:

– Технику в Чечню брали свою и со всей дивизии собирали. Бортовых «Уралов» в нашей роте было пять, одна инженерная машина разграждения, автокран, две полковые землеройные машины, экскаватор, три БТР. Половина техники в роте – сельскохозяйственная. На основную технику были мои водители, контрактники, остальные – с Дальнего Востока.

Наконец, настал день погрузки в эшелон. До этого – никто же и никогда технику в эшелон не грузил. Мы грузились на станции Инженерной. На платформе – куча генералов, все орут, все кричат, торопят... Я в той ситуации мог положиться только на своих шестерых контрактников. Все они были самоучки, трактористы. Особенно мне помогал Юра Давыдов. Наконец, все погрузили, но еще сутки стояли, ждали отправки. Пришли провожающие, начались слезы, сопли...

Юрий Цуркан, командир 2-го мотострелкового батальона, подполковник:

– У Игоря Андропова перед самым отъездом родилась дочь. У КПП стояла его новая машина, так, когда колонна из парка выходила, то МТЛБ через его машину переехала. Ребенок только что родился, машина раздавлена, и он в таком состоянии поехал в Чечню...

Игорь Андронов, командир минометной батареи 2-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– Я тогда только купил новую «пятерку», потому что много надо было ездить – на склады, в штаб, и все на личном транспорте. У КПП полка стояло машин сорок, и я свою поставил в середине. Вдруг из ворот вытаскивают на тресе МТЛБ, она не заводилась, ее и в Чечню на тресе приволокли, там так всю дорогу тягали, и оттуда на тресе до станции погрузки притащили. А тут, как нарочно, механик как-то умудрился ее завести, она и пошла, и заехала именно на мою машину. Смяла капот, лобовое стекло, и заглохла. Ну, елки-моталки, на моих глазах! Я ничего не мог поделать, и обидно, что из сорока машин – именно на мою... Потом большую часть страховки, полученной за тяжелое ранение, пришлось отдать на восстановление машины...

«Ты извини, но поедешь с нами...»

Юрий Степаненко, зам. командира 2-го мотострелкового батальона по вооружению, майор:

– Уровень выучки механиков-водителей был такой, что загружали машины на платформы один прапорщик и я. Все сорок БМП батальона. Никому ничего доверить было нельзя. Прапорщик сидел за рычагами, я управляю, и мы с ним батальон на платформы закинули часа за два. Потом запустили туда пехоту, она начала крепить машины. Только это ей и можно было доверить.

Когда эшелон погрузили, Морозов подошел ко мне и говорит: «Ты извини, но поедешь с нами». У меня челюсть и упала. – «Не нашли мы, – говорит, – зама по вооружению батальона. Через два часа эшелон уходит, вот тебе мой УАЗик, езжай на склад, получай оружие, бронежилет, спальный мешок, там уже на тебя выписано, с женой попрощайся и сюда». Я поехал на склад, забрал все это барахло, то, что положено, приехал домой, поцеловал жену, сказал: «Пока». Она в слезы, женщина же... А в квартире – ни хрена, ни мебели, ничего... И денег ни у меня, ни у жены нет. Какие деньги? Денег вообще не было. И поехал в Чечню...

«Всё помаленьку устаканилось...»

Эдуард Лопухов, начальник радиостанции Р-161 узла связи полка, прапорщик:

– Сразу, как сформировались, встали на боевое дежурство. Так мы и стояли там почти две недели. Тринадцатого января свернулись, ночь переночевали, приехали в полк, а там людей – куча мала, и прочие ужасы. Ужас перед отправкой был натуральный. Это была огромная куча незнакомых между собой людей. Взвод по штату – тридцать человек охломонов, лейтенант их не знает, а до этого взводом командовал, когда в роте было десять солдат. Офицеру нужно было и характер иметь. Просто сказать, что я офицер, и вы мне должны подчиняться – мало: народ-то туповатый, и каждый со своим личным мнением. Некоторые не совсем трезвые организмы то и дело спрашивали, когда приедет американский спецназ. Но всё помаленьку устаканилось...

На следующий день поехали на погрузку. Замерз я как собака, такой был мороз. В бронежилете, в валенках, а они малы, скакал как балерина. Помаялись, технику погрузили, привязали... Кроме штатной роты связи в полку был отдельно и узел связи, причем двойного комплекта. Все средства связи по две штуки, чтобы можно было разнести, так надежней. Были станции тропосферной связи, космической... Задача узла связи была – держать связь со штабом группировки. Было тройное перекрытие связи. Штатная, положенная по военному времени, одна сеть – штаба полка со штабом группировки, вторая – узел Генштаба, и третья – ФАПСИ. Потрясающая была техника и великолепные специалисты. Начальник узла связи, пехотный связист, уезжал капитаном, быстро стал майором, воевал хорошо, достойный мужик. Народ узла связи интересный подобрался. Основной костяк были нижегородцы, мы встречались на учениях, друг друга знали, и в Таджикистане пересекались, я туда два раза ездил. Веселых людей хватало. Как-то не вписался в коллектив только один капитан, он был с Дальнего Востока. Человек истерически боялся войны. В Чечне заставлял своих солдат стоять в охране, и чтобы патрон был в патроннике. Один солдат утром забыл, щелкнул курком и прострелил двоих, оба ранены. Потом этот капитан как-то деликатно смазал, уехал в отпуск и не вернулся. Неприятная была ситуация. Попадались такие, что в мирное время – «Мы, офицеры...», холёные, а как ехать на войну, то начинаются рассказы, что я на своей территории не воюю, это не конституционно, приводили массу аргументов, чтобы не ехать.

Евгений Ращупкин, старший механик-водитель 2-го мотострелкового батальона, сержант контрактной службы:

– Повели колонну на погрузку, загнали технику на рампу. Механики только смотрели, все боялись сами заезжать на платформы. Техники рот – Валера Папка, Червов – они были умудрённые опытом мужики, лет под сорок. Все умели и знали. Да и мы помогали, за штурвалы БМП садились, загоняли их на платформы – больше некому было. Требования по погрузке были строгие, надо чтобы вовремя все было. Грузились ночью, закрепили технику. Оттащили нас на станцию Ильино, там подцепили тепловоз, и повезли. Я знал, куда едем, а многие не понимали. Солдатам ничего толком не говорили, чтобы лишней паники не было.

«Мою машину уже кто-то загнал на платформу...»

«Гранит-60», механик-водитель БМП-2 6-й мотострелковой роты, сержант:

– А дальше была погрузка в эшелон. Для меня это была не первая погрузка: за время службы в учебке приходилось пару раз отправлять технику на капремонт. В ближайшем лесу валили деревья, пилили колодки. Ротный приказал привязать по обоим бортам БМП по бревну, для пушей защиты, ну и на момент необходимости в дровах.

Пока таскали бревна и колодки, мою машину уже кто-то загнал на платформу, и нам с наводчиком осталось только прибить колодки да проволочными скрутками привязать БМП к платформе, воспользовавшись нехитрым инструментом в виде лома и кувалды.

«Шаг вправо, шаг влево, и ты внизу...»

Евгений Пещерин, механик-водитель САУ 2-й батареи самоходно-артиллерийского дивизиона, младший сержант:

– На платформу самоходку ставил сам, и на месте выгрузки сам съезжал. Если честно, то страшно было: у САУ гусеницы по половине с каждой стороны платформы свисают. Шаг вправо, шаг влево, и ты внизу. А если учесть, что мы из Мулино выезжали уже с полным БК...

«По старой русской традиции...»

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи 1-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– Восемнадцатого января началась погрузка на эшелон. Погрузились нормально. ГАЗ-66 в большинстве своем были новые, за исключением трех-четырех машин. Но без потерь не обошлось. Одна машина категорически отказалась ехать, и было принято решение бросить ее, перегрузив имущество в другие. Вечером, после погрузки, еще на станции отметили с офицерами реактивной бригады, которые помогали нам загонять технику на платформы, погрузку и наше отправление к месту наведения конституционного порядка по старой русской традиции распитием водки. Умеренно.

Раздалась команда «По машинам!». Когда все расселись, обнаружилось, что нет Олега Андреева. Кто-то сказал, что он поехал с «реактивщиками», на этом и успокоились. Как прошла ночь перед отправкой не помню, обыденно, наверное. Волнения и тревоги не испытывал. Была, наверное, какая-то пустота... Утром, девятнадцатого января, за личным составом, и – на станцию. Подошли плацкартные вагоны, стали размещаться. Все на месте, нет только Андреева. Где? Что? Как? Отправили за ним машину. Когда он приехал, стало понятно, что у нас «минус один». Руки у него были по локоть отморожены, темно-синего цвета. Зрелище не из приятных. А он сумки тащит в согнутых локтях и говорит «Ребята, я с вами. Это ерунда, скоро пройдет». Отправили его в медбат. Оказывается, вчера вечером он выпил больше, чем полагалось офицеру-артиллеристу, и отошел по малой нужде. По дороге обратно не справился с управлением и... прилег отдохнуть. Если бы солдат, который был оставлен в охране эшелона, не пошел собирать дрова для печки и не обнаружил спящего в снегу Андреева, утром мы имели бы полноценную потерю, а так только отморозил руки... может и еще чего, но история об этом умалчивает.

«Мы уходили в неизвестность...»

Иван Н., заместитель командира взвода, младший сержант:

– На старый Новый год я встретил свой 19-й день рождения. В этот же день погрузили технику, нас посадили в вагоны. Рота занимала один вагон, где в первом плацкарте все было забито ящиками с оружием и боеприпасами, а мы спали и на третьем ярусе, и на полу. Состав практически не останавливался, мы уходили в неизвестность...

На второй день пути я не досчитался двух парней. Помню, один был высокий и светло-волосый – пулеметчик, вроде уже дембель. На учениях он при команде «Ложись!», не падал в снег, а присаживался на одно колено: боялся испачкаться.

«Так и поехал больным...»

Петр Шашкин, командир 6-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– Домой я забежал в ночь перед погрузкой, с автоматом, в снаряжении. Жена сильно плакала, а я прижал к себе дочку, которой на тот момент было шесть месяцев. У меня только слезы текли. Встал, и. ушёл.

На погрузке в эшелон полковник Фурсенко, командир танкового полка, от управления дивизии он был ответственным за мою роту, увидел, что я очень болен – у меня была высокая температура, подозрение на воспаление легких, подошел, вырвал листок из блокнота и говорит: «Напиши своей жене мой телефон, чтобы в любое время ко мне обращалась». Я ему очень благодарен, что он помогал жене, привозил продукты.

Так и поехал больным. Помню, как старшина роты Андрей Извеков положил меня в купе, крикнул: «Чтобы все замолчали! Ротный заболел, будет спать». Я и выключился, а очнулся только в Моздоке. Там комбат Цуркан вызвал нас на совещание. А потом Дима Дында посадил меня за стол, налил полкружки спирта, я выпил, он дал закусить огурец и луковицу, – «Иди, спи». В Чечню я приехал уже здоровым.

Вадим Лященко, начальник связи полка, майор:

– На погрузку вся техника дошла без проблем. Только очень холодно было. Бойцы под руководством прапорщиков технику погрузили быстро, ротный классно командовал, всё спокойно, без лишней суеты. И поехали мы первым эшелоном...

В пути особенно ничего не произошло. Люди доехали все. Я простудился сильно, так что в основном отсыпался и водкой лечился.

Евгений Крюков, заместитель командира ремонтной роты по воспитательной работе, капитан:

– Погрузка в эшелон, а для этого мы выбрали более-менее нормальных солдат, прошла нормально. Мы уходили третьим эшелоном, командовал им заместитель командира по вооружению подполковник Залуговский. Это был умница, трудяга. Командование полка, с его слов знало, что под его командованием – лучшие офицеры и прапорщики. Хотя у нас проколы бывали, но все оставалось внутри нашей службы... Подвести такого человека было невозможно. У него была присказка: «Еще раз такое повторится, назначу свадьбу, и ты на ней будешь невестой».

«Со своим взводом я знакомился в пути...»

Вячеслав Сирик, командир гранатометного взвода 1-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– В декабре 1994 года я и мой товарищ Александр Коптев были отправлены на формирование мотострелковой бригады в Твери. Но в январе, узнав, что в Чечню отправляется и наш полк, мы решили, что поедem со своими. Тем более что в Твери к нам относились, как к чужакам. Первоначально мы туда убывали на должности – я зам командира роты по вооружению, а он – по воспитательной работе. Но назначили меня командиром ГРВ (гранатометный взвод – авт.), а друга на мотострелковый взвод. Поэтому я прибыл в полк, когда техника была уже на платформах, и личный состав готовился к посадке в вагоны.

Со своим взводом я знакомился в пути. О формировании взвода, естественно, ничего сказать не могу. Одно я выяснил точно, что АГС-17 никто из них раньше и в глаза не видел. Моральные качества и уровень дисциплины солдат познавались в ходе боевых действий. В пути следования (ехал я в вагоне с личным составом взвода) никаких чрезвычайных происшествий не произошло. Автоматы, боеприпасы, бронежилеты находились здесь же в вагоне в ящиках в опечатанном виде. У каждого офицера был пистолет ПМ и шестнадцать патронов.

До прибытия в Чечню время прошло спокойно. Ну, или, может быть, спокойно. Команда раздать оружие и боеприпасы поступила только при подъезде к Чечне. Тут я первый раз увидел то, чем вооружила нас Родина. Каждый получил автомат АК-74, члены экипажей БМП – АКС-74. Вот эти АКСы были изношены до безобразия. Чтобы выполнить неполную разборку автомата, необходимо было его просто уронить. Разбирая бронежилеты, я выяснил, что их больше, чем солдат по штату во взводе. Поэтому себе решил сделать суперброник. Я вытащил все тонкие пластины и вместо них установил толстые, а в районе левого и правого плеча, где пластины скошенной формы, туда поставил по три тонкие (все-таки страшновато было). Этот бронеобъект я одевал всего один раз в первом бою. В дальнейшем заменил его облегченной самодельной версией, где средством защиты служили автоматные и пулеметные магазины.

«Многие были с ветром в голове...»

Сергей Гришин, заместитель командира полка по воспитательной работе, майор:

– Мы находились на удалении от населенных пунктов, формирование было проведено в сжатые сроки, но воспитательная работа с солдатами и офицерами все же велась. Открытого неприятия предстоящей войны не было. Если у кого-то и было, то это гасилось в самой солдатской среде.

То, что солдаты выросли, умнели – это при формировании не чувствовалось. Многие были с ветром в голове, пока не вступили в бой. Мы выехали, имея в полку сто процентов штатного состава. Обстановка в армии в целом была такой, что многие части не укладывались в срок формирования из-за массового бегства личного состава, либо вообще не были сформированы. 166-я бригада разбегалась три раза, там несколько раз поменялся офицерский состав, хотя в части сидел весь округ, офицеры из министерства обороны.

На момент отправки в Чечню полк в своем составе имел два мотострелковых батальона, танковую роту, артиллерийский дивизион, зенитно-артиллерийскую батарею, разведывательную роту и подразделения боевого, тылового и технического обеспечения. В полку было шесть зенитных комплексов «Шилка», а это – грозное оружие.

Для переброски полка по железной дороге было сформировано шесть эшелонов.

«Наконец, поехали...»

Александр Коннов, заместитель командира полка, подполковник:

– Я был назначен начальником первого эшелона. На погрузке – гляжу: УАЗики грузят, со всей армии собрали, и такое хламье, штук пять, чтобы списать потом в Чечне. Волоком затащили на платформу! Как я ругался из-за этого... Схватились за грудки с Кравцовым, начальником автомобильной службы армии. Надо БТРы грузить, а они – ненужные УАЗики! Но все равно загрузили. В первые же дни все они вышли из строя, и мы их бросили.

Наконец, поехали... Железнодорожники дали нам зеленый свет. Оказалось, что расчет на размещение людей в вагонах спланировали неправильно, в одном купейном было народу – доверху, тут и разведчики, и саперы, и связисты, на полу оружие в ящиках.

Федор Сергеев, правовед полка, капитан:

– Я был в первом эшелоне, старшим – начальник штаба полка майор Чепусов. В эшелоне было человек двести. С нами были разведчики, саперы, связисты, комендантский взвод. Загрузить должны были пять БРДМ, а завелось только три. Затащили их, два УАЗика еще взяли. Долго мучились, пока затащили – холодно было. Закрепили по новой технику. Сразу два эшелона грузились.

По вагонам пройти невозможно – солдаты в три яруса, ящики с оружием под ногами, бронежилеты, каски, сухпай, личные вещи. Зеленый свет нам дали до Ростова, за сутки доехали, только локомотивы меняли. Параллельно шло много войск – в Ростове воинские эшелоны на путях стояли рядами.

«Нам несли еду, спиртное, деньги...»

Андрей Д., по штатному расписанию – снайпер, командир отделения:

– Пятнадцатого января 1995-го года нас первым эшелоном отправили в Чечню. С кем вместе придется воевать, знакомился уже в поезде. Солдаты запаслись водкой и пока ехали, уничтожали запас. На какой-то станции арестовали несколько солдат, которые пытались продать гранаты. Нам боеприпасы выдали уже перед самой Чечней. На станциях к нам подходили люди, несли еду, спиртное, деньги. Женщины плакали, видимо и у них сыновья ушли в том же направлении, куда ехали мы...

Богдан Баглий, командир хозяйственного взвода, старший прапорщик:

– Мы с поварами готовили пищу в дороге. В вагоне поставили печку, трубу вывели наружу. На каждой большой остановке прибегали солдаты с термосами, и мы раздавали горячее. Мы обслуживали разведроту, роту связи и управление полка. В каждом батальоне были и свои хозвзвода.

Анатолий Кушнарев:

– Меня назначили замполитом первого эшелона. Я, когда танки перегонял на погрузку, заболел. Простыл на станции, потому что все время на броне, грудь нараспашку, а какое там было в той обстановке лечение!

Ехали – настроение у многих было веселое, какая-то и романтика у некоторых. Солдаты еще ничего не понимали и не представляли, что их ждет. Я понимал, что Кавказ – это надолго, минимум на три месяца.

«Весь батальон болел...»

Юрий Степаненко:

– Ехали трое суток, и трое суток я спал: до того был вымотан при подготовке к отправке – работал сутками. В каком-то городе остановились, пришел комендант станции проверять эшелон. Помню спросонья, как он говорил: «Куда вы едете! Вас все равно поубивают!» Ничего себе – «Поубивают!». Этого коменданта офицеры за шкирку выкинули из эшелона, чтобы панику не наводил и солдат не деморализовывал.

На какой-то станции нам на миллион рублей в деньгах того времени лекарств принесли, несколько коробок. Весь батальон болел, все были простужены, сто процентов. У офицеров от напряжения сели связки, все разговаривали сипом и шепотом. У всех солдат – температура. А как приехали в Чечню, таблеток ли поели, да и организм мобилизовался в напряженной обстановке – все выздоровели...

Игорь Андронов:

– На погрузке в эшелон сильный мороз был, и я очень серьезно заболел. Думал, что у меня будет сильное воспаление легких. Лечиться пришлось в поезде, до станции выгрузки. Отпоили меня, оттерли. Но все эти дни дороги были, как во мраке...

«Быстрее бы уехать от этого кошмара...»

Александр Синякович:

– Я впервые за две недели выспался в эшелоне. Нервное напряжение было такое, что хотелось спать и спать. Все эти дни, пока шло формирование, было одно желание: скорее бы на войну, хоть выспаться по дороге. Быстрее бы уехать от этого кошмара, а там разберемся. Я в Афганистане воевал, знал, что такое война и что нас ждет. Но оказалось, что сравнивать эти две войны – невозможно.

Постепенно все наладилось, но сначала удивлялся: где же афганский опыт, где те генералы, которые грамотно знали, как формировать войска. Это же было преступление – отправить воевать такой полк, когда под Москвой стояли почти укомплектованные полки Таманской и Кантемировской дивизий. Когда полк формируется с нуля, уходит воевать без боевого слаживания, и бросать его таким в бой – это преступление на высшем уровне. О чем думали наверху?

Только благодаря организованности командира полка он смог нас всех мобилизовать и настроить на войну. Мы все его уважали, да и штатные офицеры хорошо знали друг друга, это очень важно. Все мы, офицеры батальона, были с опытом, дружили, это помогало нам потом во многих опасных ситуациях. В нашем втором батальоне собрался крепкий коллектив. Например, капитан Сергей Хохлов, командир гранатометного взвода, грамотный, опытный офицер, волевой, смелый. Мы с ним в Прибалтике вместе служили, потом он стал ротным, когда я ушел из полка по замене, он принял мою должность, а после Чечни был назначен комбатом. Когда в первом бою ранило командира пятой роты старшего лейтенанта Дмитрия Дынду, то капитан Хохлов стал ротным за него, а и.о. командира его взвода поставили сержанта-дальневосточника. Жаль не помню его фамилии, ему было 24 года, шахтер, семейный, он, не чета некоторым офицерам, держал во взводе крепкую дисциплину. Порядок у него был. Комбат подполковник Цуркан даже распорядился, чтобы этот сержант обедал в офицерской палатке.

Когда ранило командира одного из взводов, на его должность назначили прапорщика Евгения Ращупкина. Еще в Германии он у меня был механиком-водителем. Его тяжело ранило на плацдарме за промышленными каналами, тогда нас постоянно обстреливали.

Доволен я был и минометной батареей батальона, командовал ей старший лейтенант Андронов, умница, очень грамотный, требовательный офицер. В первом же бою быстро снял с ГАЗ-66 минометы и боеприпасы, развернул на поле батарею, и люди, толком еще не обученные, через несколько минут открыли огонь по указанным целям.

«Вот такое стадо мы везли...»

Олег Шатохин, капитан:

– Я ехал вторым эшелоном. Проснулись утром – едем. Пошел по вагонам. Людей набили как сельдей в бочке. Проехали Москву – приказ: выдать всем оружие, потом выдать боеприпасы, потому что сразу за Ростовом может быть всякое, и нападение на эшелон. Только выдали боеприпасы, началась стрельба. В отсеке вагона, где ехала рота Суровцева, выстрелили по стеклу, оно осыпалось, и ехали как летом, с ветерком. Давай это окно одеялом забивать. Потом эти отморозки бабстовские начали продавать все подряд – гранаты, патроны – все на водку. Я эту мафию почти всю сдал ментам на станциях. ОМОН подходит, и говорю: «С оружием кидался на офицеров». Я не знаю, что потом с ними делали. Они мне все в спину орали, что замочат в Чечне. – «Смотри не промахнись, я же лучше стреляю, раньше постреляю». Они поняли, что мы не шутим, что скоро война начнется, тем более что я их сдаю. Человек восемь перед Минводами слиняли на станции, правда, без оружия.

Всю дорогу было «весело». Два козла из бабстовских закрылись в туалете, Суровцев прибегает: «У них четыре гранаты, дерутся пьяные». Подхожу – оттуда мат: «Взорвем сейчас все!». Передергиваю затвор и через решеточку под дверью – очередь из автомата. – «Следующая очередь по вам, б...!» – «Не стреляйте, не надо! Сдаемся!». Открываю, вытащил их в тамбур. В общем, рожи им начистил. А что было делать – взорвут пьяные вагон. Сдал их на станции ОМОНу. Вот такое стадо мы везли... А эшелоны идут и идут – война!

«Пошли наводить порядок...»

Евгений Крюков, капитан:

– Вечером семнадцатого января наш эшелон тронулся. В этот же вечер у прапорщика Калькова был день рождения. Мне удалось перед самой отправкой сбегать в магазин и купить ему подарок, от всех офицеров роты, набор ключей.

Во Владимире на короткой остановке наш эшелон встретил, а это было очень непросто, отец нашего офицера Эдика Тумасова, подполковник запаса. Он поговорил с сыном, мы отошли в сторонку: «Знаешь, замполит, извини меня, но сбереги мне сына...»

В эшелоне кроме ремроты ехали еще два подразделения. Через день-два приходит к нам начальник эшелона подполковник Залуговский и говорит: «Ребята, у вас более-менее нормально, а в некоторых подразделениях – беспредел, пьют по-страшному, дисциплина – не ахти». Свои командиры там не справлялись, боялись связываться – оружия у всех уйма, и пошли мы туда, наводить порядок. Разобрались... Один из бойцов настолько обнаглел – глупее придумать невозможно: взял автомат и на нас направил. Автомат у него из рук вырвали. Свое он получил, хотя по закону и неправильно, но по жизни – верно. Потом те, кого мы успокаивали в эшелоне, подходили к нам в Чечне и говорили: «Здоровья желаю!». Не знаю случая, что бы кто-нибудь из солдат потом по своим, тем более офицерам, специально стрелял.

Организовали дежурство на тепловозе. Вместе с машинистами – два бойца, вооруженные до зубов. Въехали на территорию Чечни – всем приказали одеть бронежилеты, солдат посадили в вагоне на пол, офицеры и прапора по тамбурам, встали с оружием, чтобы ответить огнем, если что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.